

Александр Абалихин

Озеро Веры

Серия «Перекрёсток»

16+

Александр Абалихин

Озеро Веры

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Абалихин А.

Озеро Веры / А. Абалихин — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Житель большого города оказывается на волосок от смерти на оживлённом перекрёстке. Неожиданно обрываются все звуки, застывают автомобили и люди. В это мгновение он ощущает себя другим человеком – юношей, который много веков назад жил в деревне на краю дремучего леса. Его возлюбленная возглавит мужицкое войско, а он станет участником сражений с захватчиками, победу над которыми помогут одержать острый меч, храбрость, хитрость и колдовство. Историко-фантастический роман «Озеро Веры» – второй из серии «Перекрёсток», в которую также вошли книги: «Страна Синих Ягод», «Озеро Веры», «Multi venerunt, или Многие пришли», «Бабочки на крутых ступенях», «Пылающие души Виньеруны».

Содержание

Пролог. Перекрёсток на окраине	5
Глава 1. Вольный ветер	6
Глава 2. Вера и Виринея	19
Глава 3. Остров Виринеи	34
Глава 4. В плену у Леля	47
Глава 5. Священная дубрава	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Александр Абалихин

Озеро Веры

Пролог. Перекрёсток на окраине

Светофор на перекрёстке не работал.

Игорь Савельев, ступивший на пешеходную «зебру», сначала едва не погиб под колёсами внедорожника, а затем метнулся в сторону совершавшего поворот микроавтобуса. Побледневший водитель вцепился в руль и с ужасом смотрел на неловкого пешехода, который уже приготовился к худшему.

Однако белый микроавтобус неожиданно остановился перед Игорем. Застыли автомобили и пешеходы. Стихли все звуки. Игорь попытался сдвинуться с места, но ноги не повиновались ему. А затем наступила темнота...

Вскоре кромешная тьма рассеялась, и он оказался в ином мире, который был ему так же близок и дорог, как и мир вокруг злополучного перекрёстка. Теперь он находился не на окраине современного города, а в незнакомой местности, и у него было другое имя. Его звали Яромир. Он был синеглазым светловолосым юношей, у которого на подбородке пробивался светлый пушок.

Его родная деревня Комаровка стояла возле дремучего леса. Яромир жил в избе на краю деревни вместе отцом Добряном, матерью Переславой, старшим братом Светозаром и сестрой Мирославой.

Глава 1. Вольный ветер

Яромир косил траву в поле. Свежий ветер развеивал его кудри. Работалось легко. С каждым взмахом косы его грудь наполнял пряный аромат разнотравья. Сочная трава покорно ложилась ему под ноги. Рядом с ним косил траву его отец Добрян – светловолосый коренастый мужик, а чуть поодаль – другие деревенские мужики. Все они были одеты в серые просторные штаны и белые рубахи с высоким воротом и длинными рукавами. Добрян затянул песню, которую подхватили остальные косари.

К полудню солнце поднялось высоко. Стало жарко. Мужики перестали петь песни. Яромир почувствовал усталость, и ему захотелось пить. Он представил, что сейчас, как обычно, он вместе с остальными косарями спустится в тенистый овраг, по дну которого протекает быстрая мелкая речка, и утолит жажду ледяной прозрачной водой.

Пьёшь такую воду и не обращаешь внимания на звенящих докучливых комаров. У Яромира всякий раз замирает сердце, когда он опускает руку в быстроструйную речку, и между его пальцев начинают метаться маленькие рыбёшки, похожие на серебристые льдинки. То ли испугавшиеся, то ли обрадовавшиеся его приходу мальки щекочут ладони, и ему хочется смеяться.

С раннего детства видит Яромир этих маленьких рыбёшек и кажется ему, будто нет ничего надёжнее привычного мира возле родной деревни: ельника за околицей, березняка за оврагом и раздольного поля, по которому гуляет свежий вольный ветер. Но милее всего ему родная речушка со снующими в ней рыбками и ползающими по дну медлительными личинками ручейника, которые похожи на сухие маленькие веточки, упавшие в воду. И не существует для Яромира ничего более вечного, чем замшелые брёвнышки, переброшенные через речку, тёмный омут, над которым нависли плакучие ивы, и мельница возле речки...

– Медведь пришёл! Прячьтесь! – донесли женские крики со стороны деревни.

Первым в деревню примчался Дрозд – темноволосый широкоплечий рослый мужик. Следом за ним в опустевшую деревню вбежали остальные косари.

Все старики, женщины и дети попрятались по избам. Лишь Любава – дородная темноволосая зеленоглазая женщина с вилами в руках стояла на крыльце.

– У нас за избой бродит огромный медведь, – сообщила Любава мужу, который с косой в руках прибежал на помощь. – Ты вовремя подоспел.

– Молчи! – прикрикнул на неё запыхавшийся Дрозд. – Ты же знаешь, что Лесного Хозяина нельзя громко называть по имени.

В хлеву протяжно замычала корова, испуганно заблеяли козы, закудахтали куры. Зашлись лаем деревенские собаки, сидевшие на привязи. Псы вели себя по-разному, сообразно своему характеру. Некоторые, преданные хозяевам, но слишком осторожные, собаки услужливо брехали, не отходя далеко от конуры, другие псы рычали и рвались с цепи, готовые хоть сейчас дать отпор любому зверю, а большинство собак трусливо забились по конурам и притихли.

– Он направился к хлеву. Послушай, как он страшно рычит – сейчас задерёт скотину! Возьми вилы. Ими тебе будет сподручнее, чем с косой, справиться с Хозяином, – сказала Любава, протягивая мужу вилы.

– Никого Косолапый не съест. И вилы твои не понадобятся. Велисвет идёт. Волхв сейчас уговорит Лесного Хозяина, и тот уберётся восвояси, – спокойно произнёс Дрозд, указав на шествовавшего по деревне высокого худощавого седобородого старца в длинной белой просторной рубахе и широких штанах.

На груди старика висел деревянный знак коловрата. Волхв шёл, опираясь на посох. В левой руке он держал за лапы рябую курицу с отрубленной головой.

Тут из-за избы вышел крупный медведь. Зверь грозно рыкнул и направился к Дрозду и Любаве, которая нацелила на хищника вилы.

– Что, Дрозд, ждёшь, когда твою бабу медведь задерёт? – спросил подоспевший Добрян и, подняв косу, двинулся на зверя.

– погоди, Добрян! – послышался голос Велисвета. – Не приближайся к косолапому. И ты, Любава, опусти вилы.

Медведь стоял и угрюмо смотрел своими маленькими глазками на старика. Велисвет подошёл к зверю и прикоснулся круглым наверху посоха к голове медведя.

– Прими дар и уходи! – приказал волхв и бросил рябую курицу на землю перед мордой хищника.

Медведь схватил зубами курицу, развернулся и побрёл к лесу. Любава опустила вилы и, покачав головой, недовольно произнесла:

– Вот же повадился косолапый в деревню заходить. На него кур не напасёшься!

– Неужели ты, глупая баба, никак в толк взять не можешь, что Лесной Хозяин – наш заступник? – строго спросил Велисвет, взглянув из-под густых седых бровей на Любаву. – Хорошо, хоть рьяных собак на него догадались спустить с привязи.

Любава не выдержала пристального взгляда ясных глаз Велисвета и отвернулась.

– Разве неведомо тебе, что ни разу во всей округе косолапый не нападал на людей? – спросил старик.

– Так ведь прошлым летом, рассказывают, близ Зарь-града бурый зверь трёх человек задрал, – вспомнила Любава.

– Ты не путай! – сурово сдвинув брови, сказал Велисвет. – Разве не ведомо тебе, что отошли жители Зарь-града от веры предков? Вот и наказывает их Велес, посылает к ним Лесного Хозяина, который вершит наказание. Наш народ испокон веков приносил Хозяину леса дары, и косолапый не нападал на людей. По праздникам Топтыгина ждал жертвенный ягнёнок, разложенный на большом алатырь-камне. Всегда Лесной Хозяин дружил с нами, и нам не пристало его ни обижать, ни бояться.

– Так может умаслить хозяина и медку ему почаще выставлять за околицей? – спросил Земомысл – рыжеволосый курносый мужик, всегда ходивший в соломенной шляпе.

Земомысл держал пасеку и славен был своим умением искусно играть на гусях.

– Не умничай, пасечник! Незачем приваживать хозяина к деревне. Здесь не место подношения даров, – наставительно произнёс Велисвет.

Из изб показались бабы и ребяташки, вышли старухи и старики. Вскоре все они, вместе с вернувшимися с покоса мужиками, разошлись по домам.

Добрян и Яромир направились на свой край деревни вместе с Велисветом, землянка которого находилась по соседству с их избой, на лесной опушке.

– Скажи, Велисвет, будет ли дождь? Не намокнет ли сено? – тревожно поглядывая на собирающиеся на небе тёмные тучи, поинтересовался Добрян.

– Не будет сегодня дождя, а вот гроза скоро начнётся, – ответил Велисвет.

– Как же так? Выходит, без дождя обойдётся, а гроза всё же будет?

– Нет, Добрян, о другой грозе я говорю. Скоро грозная сила заявится в наши края, – вздохнув, сказал Велисвет. – Князь Василиск, мало того, что зарь-градским жителям запретил поклоняться нашим родным Богам, так он теперь по всем окрестным селениям рассылает дружины, чтобы покорились ему свободные витичи. Чужеземцы уговорили его установить во всём нашем крае иную веру. Князь под этим предлогом желает получить полную власть над нашей землёй. Дружинники Василисковы жгут капища, людей рубят мечами и пронзают стрелами. Никто его не может остановить. Говорят, некоторые пришлые проповедники пытаются его обуздать, но всё тщетно.

– Не может такого быть! Что за нелюдь Василиск? Иль он не витич? – воскликнул Добрян.

– Витич-то он витич, да вот только выгоду себе ищет Василиск, как и остальные жадные князья, – вздохнул Велисвет. – Вижу я, как на долгие годы свободные витичи, могут стать княжескими рабами. Не по душе князю вольный ветер нашей земли. Не рад он, что был до сих пор старшим среди равных и свободных мщерских жителей. Чую, как из душных земель налетает суховей-ветер на нашу землю.

– Так ведь в мщерском крае живут и эрсияне – иной народ. Им наши князья – не указ.

– А что эрсияне? Теперь их в Мщере стало меньше, чем нас. Много витичей переселилось в этот лесной болотистый край. Думаешь, Добрян, от хорошей жизни наши с тобой деды и прадеды подались в глухие северные леса? Как думаешь, отчего имена свои исконные меняют витичи? Вот и князь Святополк именем своим славным поступился. Чужеземным именем Василиск нарёкся зарь-градский князь. Мало того, что сам имя сменил, так и всех жителей Зарь-града заставил свои имена поменять на иноземные! – возмутился Велисвет.

– Как же Стрибог, Сварог и другие Боги за нас не заступятся? Почему Перун не покарает Василиска? – спросил Добрян.

– Многие витичи отказались от помощи родных Богов. А Василиска ждёт страшная кара. Всему своё время.

– Как же нам быть? Ну, как к нам придут Василисковы дружинники? – испугался Добрян.

– А вот и надо нам решать, что делать. Пришла пора собирать людей. Надо решать нашу судьбу.

– Неужто нам придётся покориться князю и предать веру предков? – испугался Добрян.

– Зачем предавать? Сперва узнать следует, что за новая вера такая. Может, она не плоха.

Помню я, как рассказывал один беглый человек из Зарь-града, что новая вера добрая, да только князь Василиск злой. Помнишь, Добрян, того беглеца? Как-то раз подобрали в лесу наши охотники мужика, бежавшего из Зарь-града от князя Василиска.

– Кажись, лета три прошло, как приключилась та история. Израненного мужика тогда в Комаровку принесли из леса, а он потом от ран помер. Рассказывал он, как страшно мучили его дружинники князя Василиска, – вспомнил Добрян.

– Что ж, не мне одному судьбу нашу решать. Надо сход собирать. Решать будем, как дальше жить. Ты Добрян, поручи Яромиру, чтобы он кликнул людей. Пусть вечером соберутся на лесной поляне – Журавлихе, – сказал волхв и направился в свою землянку.

Яромиру, который шёл рядом с отцом, стало немного обидно, что Велисвет с Добряном разговаривал, а его словно не замечал. Но в разговор со старшими Яромир не вмешивался – знал, что был ещё слишком молод.

В избе Добрян и Яромир застали только Переславу. Светозар и Мирослава отправились в соседнюю деревню, которая лежала за тремя оврагами на просторной поляне посреди великого дремучего леса. Там жили эрсияне – люди, говорившие на другом языке. Поклонялись эрсияне священным камням, деревьям и своим Богам и духам. Похожи были капища у витичей и керемети у эрсиян, да Боги разные. А ещё у витичей были свои, установленные на выкорчёванных дубовых пнях молельни, в которых стояли изваяния – вырезанные из дерева кумиры витических Богов. Эрсияне не возводили молельни. Однако эти различия не мешали двум народам жить в мире и согласии. Да и не из-за чего было серьёзно ссориться. Разве что из-за красивых девушек порой случались драки между парнями. Так ведь и между своими деревенскими юношами случались серьёзные разборки. Крепкие молодцы иногда и в своей деревне в кровь дрались за какую-нибудь юную красавицу.

Во всех окрестных деревнях и в Зарь-граде у витичей все девушки – красавицы. Почти у всех девиц волосы русые или цвета спелой пшеницы, а глаза у большинства из них синие, словно небо осенью над золотыми берёзовыми рощами или вода в чистых озёрах, в которые опрокинулось синее небо. Но и эрсиянские зеленоглазые и сероглазые девушки могли с ними соперничать в красоте, а некоторые были даже краше витичанок.

Однако Яромир считал, что никто – ни среди своих, ни среди эрсиянских девушек не может сравниться с его возлюбленной Верой. Жила эта красавица в Берёзовке – витичской деревне, за большим озером, которое называлось Круглым. Посреди того озера лежал остров, поросший густым лесом.

В прошлом году Яромир во время праздника Купалы заметил Веру и влюбился. Зажглось тогда сердце у Яромира от её неземной улыбки. Потерял парень рассудок, взглянув в её бездонные синие глаза. Долго не мог он отвести взгляд от нежного лица ладно сложенной красавицы. А какие у неё пушистые волосы цвета спелой пшеницы – золотом сияют на солнце! Подарил он ей тогда жемчужные бусы. Жемчуг тот Яромир сам добыл в быстрой речке – из раковин вытаскивал. Долго он собирал те бусы. Улыбнулась тогда ему красавица и назвала своё имя. А ведь редко кому из незнакомцев при первой встрече девушки своё имя раскрывали.

А у его старшего брата была своя зазноба в Омшани – эрсиянской деревне. Светозар влюбился в эрсиянскую красавицу Виринею, не устоял перед её красотой. Её несколько раз видел Яромир и понял, что не случайно приглянулась Светозару эта зеленоглазая светловолосая девушка, у которой из-под высокой шапки выбивались льняные волосы. Таких светлых волос у витичанок не было. Не слишком похожи были эрсияне на витичей, но всё же ближе к ним, чем темноволосые и темноглазые печенеги и болгары.

По Виринее не только Светозар вздыхал, но порой её и Яромир вспоминал. Правда, вспоминал он не столько саму Виринею, сколько её взгляд. А взгляд у Виринеи такой, что долго не выдержишь, если она будет тебе прямо в глаза смотреть. Похожий взгляд и у Велисвета – пронзительный, внимательный и умный. Только Велисвет – мудрый старый волхв, а Виринея – молодая красивая девушка.

Было известно, что её родная бабка Вельмата была колдуньей, а родной дядя Виринеи – прявт Уштай – старший в Омшани. В эрсиянской керемети он командовал людьми, которые совершали обряды. Это у витичей Велисвет всё делает – и колдует, и деревней управляет. А прявт Уштай только за порядок в своей деревне отвечал, но не колдовал и обряды сам не совершал. Для исполнения обрядов всякий раз прявт назначал разных деревенских мужиков и баб. Почти все старшие в роду хоть раз в год совершали обряды во славу своим Богам. А колдовать и просить в засуху дождь, а при долгих проливных дождях – чтобы выглянуло солнце, никому в деревне не надо, поскольку для этого есть старая Вельмата, которая живёт вдали от эрсиянской деревни Омшани в мрачной землянке посреди глухого леса, на краю Лешачьего болота. Ни землянку, ни саму старую Вельмату Яромир никогда не видел. Охотники, забредавшие иногда к Лешачьему болоту, рассказывали, что при встрече с горбатой старухой они не могли произнести ни слова и сдвинуться с места, пока колдунья сама не уходила прочь.

Яромир отвлекся от раздумий и сел на скамью рядом с отцом. Мать уже выставила на стол глиняные миски, крынку с молоком, разлила по мискам щи и разложила деревянные ложки. Потом Переслава принесла горшки с пареной репой и отварным мясом вепря, и положила перед мужем и сыном по два ломтя хлеба. Добрян и Яромир принялись за еду, а Переслава села напротив и с тревогой спросила:

– С другого края деревни крики были слышны. Никак, косолапый в деревню заявился?

– Приходил лесной Хозяин, – кивнул Добрян. – Но ты не бойся. Велисвет его прогнал.

– Я волнуюсь за Светозара и Мирославу. Они в Омшань направились. Светозар только нож собой взял, – сказала мать.

– Сейчас лето. Волки не нападут. К тому же, у Светозара и Мирославы есть обереги, – махнул рукой Добрян.

– А ещё я переживаю, что Светозар только об эрсиянской девушке Виринее ведёт разговоры. Между тем, рассказывают, что Виринея внучка самой Вельматы! – прошептала Переслава.

– Что шепчешь? Или боишься Вельмату? – спросил Добрян, откладывая ложку.

– Боюсь, – призналась Переслава.

– Что плохого может сделать старая Вельмата? Она только болячки лечит у жителей Омшани, защищает эрсиянскую деревню от хищных зверей да злых людей. Она духов призывает на помощь и помаленьку колдует, – сказал Добрян.

– То-то, и оно! Она разных духов призывает на помощь – и добрых, и злых, – снова перешла на шёпот Переслава.

– Так ведь коли не будешь вершить плохие дела, тогда тебя всегда наши Боги защитят.

– А ну, как наш Светозар потеряет защиту Рода?

– Не пойму я тебя. О чём речь ведёшь? – спросил Добрян.

– О том говорю, коли сынок наш, Светозар, к Виринею повадился ходить, так она его может научить заговорам и своим молитвам. Плохо будет, если он навсегда в Омшань уйдёт жить. Вот останется Светозар у Виринеи, а там и веру нашу забудет.

– Да где такое видано, чтобы мужик в дом к невесте жить уходил?! – воскликнул Добрян.

– Так ведь Виринея одна в избе живёт. Когда она была маленькая, её родителей порубили печенегы во время последнего набега. Места у неё в избе много. Почему бы Светозару не остаться в Омшани? – встрял в разговор Яромир.

– Глупый ты Яромир! – накинулся на него отец. – К эрсиянам жить уйти – это ведь не в другой витичской деревне остаться жить. У эрсиян вера иная. Да и разговаривают они на своём языке.

– Эрсияне гладко говорят и на нашем языке. А вера их похожа на нашу, – сказал Яромир.

– Да как же похожа? Как без помощи Перуна и Велеса витичу жить?

– Живут же как-то эрсияне, – пожал плечами Яромир.

– Так ведь у них свои духи и Божества. Как витич может чужим духам поклоняться? К тому же не так сильны они, как наши Боги! – с гордостью произнёс Добрян.

Яромир не стал спорить с отцом. После обеда он размяк, и ему захотелось спать. Он бы и улёгся на скамью, если бы не разгулял его солнечный лучик, пробившийся в окно сквозь натянутый на раму бычий пузырь. Луч скользнул по его лицу и зашекотал нос. Яромир не выдержал и чихнул так, что мать и отец вздрогнули.

– Ты когда чихаешь, предупреждай! Весь в деда пошёл. Тот так чихал, что косолапый от страха умереть мог, если бы рядом был, – недовольно проворчал Добрян.

– И что вас тянет к девушкам из семей колдунов и колдуний? – спросила Яромира мать. – Светозар во внучку колдуньи влюбился, да и у тебя, Яромир, тоже не из обычной семьи зазноба в Берёзовке живёт.

Яромир удивлённо взглянул на мать.

– А чему ты удивляешься? Про твою любовь к Вере все знают. И про то, что жемчужные бусы ты ей подарил – тоже всем известно, – усмехнулась мать.

Яромир смутился и покраснел.

– Вот потому-то и тянет наших сыновей к тем девицам, что они колдуны. Околдовали они наших сыночков, – засмеялся Добрян и похлопал по плечу Яромира. – Да не пугайся! Ведагора – мать Веры, вовсе не колдунья, а ведунья. И отец покойный у неё ведуном был.

– Какая разница? – пожав плечами, спросила Переслава.

– Ведуны лечат людей и скотину, и многое ведают о жизни. Ведуны и волхвы могут даже предвидеть, что в будущем будет. А вот колдовством они не занимаются, – сказал Добрян.

– Слыхивала я, что Ведагора – добрая старуха. А вот кто такая мать Виринеи – Вельмата, неизвестно. Что мы про неё знаем? – подперев подбородок кулаками, задумалась Переслава.

– Надо у Велисвета спросить, – решил Добрян. – Он про любого человека может многое поведать. Кстати, Велисвет просил людей собрать на сход. Не забыл, Яромир? Пройдись по избам и всех предупреди, чтобы вечером старшие от каждого дома пришли на Журавлиху. И мы с тобой пойдём на сход. Пора тебе привыкать решать важные дела.

– Сейчас обойду все дома, – пообещал Яромир, обрадованный тем, что отец решил его взять на сход.

– Да в кузницу не забудь заглянуть. Златомир мне щит обещал выковать, – сказал Добрян.

– Щит-то тебе зачем? Никак с ним на охоту собрался ходить? – удивилась Переслава. – Или воевать с кем надумал?

– Воевать, может, вскоре придётся, – хмуро сдвинув брови и погладив свою русую бороду, произнёс Добрян.

– Этого ещё не хватало! Воевать он пойдёт! – воскликнула Переслава, всплеснув руками.

– Никуда воевать я не пойду, а здесь стану свой дом и родную деревню защищать, – твёрдо произнёс Добрян.

– От кого же ты собрался защищать нашу Комаровку? Никак печенеги в наши земли заявили?

– Нет, не печенеги. Вот придёшь на сход, всё сама узнаешь. Сама знаешь, что женщины могут наравне с мужиками на сходе обсуждать деревенские дела.

– Ну, зачем, нам, бабам, на сходе время терять? У нас дел полно. Я вот только что тесто замесила, собралась испечь кулебяки с рыбой и ягодами, – сказала Переслава.

– Свет тебе за хлеб! – вставая из-за стола, поблагодарил её Яромир.

– На здоровье, сынок, – сказала мать.

Яромир направился созывать людей. Обойдя все избы, он зашёл в кузницу, где застал Златомира – плечистого синеглазого мужика. Его волнистые русые волосы были повязаны широкой серой лентой. В руках кузнец держал большой молот. В кузне от раскалённой печи было жарко.

– Не затворяй дверь! – попросил кузнец, вытирая рукавом пот со лба.

Златомир положил молот в угол, налил в кружку из кувшина тёмное густое ячменное пиво и, опорожнив кружку до дна, спросил гостя:

– С чем пожаловал?

– Велисвет собирает людей на сход. Вечером на Журавлиху тебе надо прийти. А ещё батя спрашивает, готов ли его щит? – спросил Яромир.

– Готов. Можешь забрать, – кивнул кузнец, указывая на приставленные к стене щиты, и аккуратно сложенные на глинобитном полу боевые топоры, мечи, кольчуги и шеломы.

Яромир взглянул на щиты и подивился уменью кузнеца. Щиты были сделаны на славу. На каждом из них было изображение одного из Богов витичей. Узнал Яромир лики Рода, Крышняя, Перуна, Велеса, Стрибога, Сварога и других Богов.

– Ты славно поработал, Златомир! – похвалил кузнеца юноша.

– Выбирай для отца любой щит, который тебе нравится, – предложил кузнец.

Яромир взял щит с изображением Стрибога и направился к выходу.

– погоди! – окликнул его кузнец – Ты мне скажи, что происходит? Зачем столько оружия вдруг понадобилось?

– Отец только щит просил принести. Меч, шелом и кольчуга у него есть, – пожав плечами, ответил юноша.

– Верно. Добрян только щит попросил сделать, а вот Велисвет мне много щитов и мечей заказал. Да ещё кольчуг и шеломов велел как можно больше сделать. В последнее время ночами не сплю. Все мои подмастерья днём спать ушли, потому что устали. Никто из городских кузнецов так усердно, как я, не работает. А Велисвет каждый день заглядывает и говорит, мол, важное дело я делаю. Я его постеснялся спросить, зачем столько оружия? Может, ты скажешь? Что-то знает волхв?

– Может, и знает, – уклончиво ответил Яромир.

– Не хочешь – не говори, – махнул рукой кузнец. – Наверно, сегодня Велисвет расскажет обо всём на сходе. Ну, бывай!

Яромир поклонился кузнецу и отнёс щит отцу.

– Меч и ратные доспехи у меня были. Теперь и щит есть. Яромир, пора бы и тебе со Светозаром своими доспехами обзавестись, – сказал Добрян.

– Ещё что удумал! – недовольно сказала Переслава. – Рано нашим сыновьям облачаться в кольчуги, да и незачем. И тебе, Добрян, греметь латами не к лицу. Землепашцы вы, а не ратники. Скотиной да землёй вам следует заниматься, а не биться с врагами. На то есть княжеская дружина.

– Как же! Защитят нас дружинники! – с горькой усмешкой произнёс Добрян.

– Что-то тревожно у меня на душе, – сказала Переслава.

– И то, правда, незачем тебе, Переслава, на сход идти, а то расстроишься раньше времени. Готовь лучше кулебяки, да побольше! – сказал Добрян. – Потом десятка два кулебяк Яромир отнесёт кузнецу и его подмастерьям. Да ещё пару козлят Златомиру подарю за такой ладный щит. Пусть он своих подмастерьев мясом попотчует.

– Отец, а ты и вправду поговори с кузнецом, чтобы он мне и Светозару мечи, щиты и доспехи выковал. А то с луками и стрелами надоело мне ходить на охоту, – попросил Яромир.

– А с мечом, сынок, на охоту не ходят. С мечом в руках дерутся с врагами. А пока тебе и Светозару хватит луков со стрелами. Хотя, шеломы и кольчужки для вас, пожалуй, надо будет заказать, – решил Добрян.

К вечеру Добрян с Яромиром направились на сход. Они пришли на поляну, называемую Журавлихой, когда стало смеркаться. Посреди поляны горел большой костёр. Велисвет сидел на бревне возле огня и задумчиво смотрел на пламя.

На Журавлихе собралось не менее шести десятков мужиков, да ещё вместе со своим мужем подошла Любава. Пока жители Комаровки усаживались на брёвна, разложенные в несколько рядов возле костра, на лесную поляну опустилась ночь. Облака разошлись, и открылось звёздное небо. От костра вверх улетали яркие искры, таявшие в ночной темноте. Яромир, словно замороженный, смотрел на пламя и вскоре забыл, где он находится. Из забытья его вывел уверенный голос Велисвета.

– Мы собрались, чтобы определить нашу судьбу, – начал держать речь Велисвет, вставший на возвышение рядом с костром. – Пришло время решать: защищать нам землю и веру нашу или покориться князю Василиску. Времени у нас мало. Скоро придёт дружина Василискова во все окрестные города и деревни, и в нашу Комаровку наведается. Надумал князь Василиск подчинить себе весь свободный люд.

Голос волхва сопровождался треском искорок. Его слова, казалось, улетали ввысь, к зелёным звёздам, рассыпавшимся по чёрному небу. Люди молча внимали Велисвету. Твёрд голос волхва и звонок, словно натянутая струна в гусях звенит. Слова его словно острые стрелы вонзаются в сердце каждого витича.

– Нелегко нам сделать выбор, – говорил Велисвет, опираясь на посох.

– А если мы откажемся покориться князю, что тогда он сделает? – спросил Заяц, – невысокий худой мужичок.

– Страшную цену можем мы заплатить, если откажемся Василиску покориться. Вижу я, словно наяву, что лютая смерть ожидает тех, кто откажется ему повиноваться. Капища наши порушат, молельни и дома сожгут, кумиров наших бить кнутами будут и в воду бросать, а людей изведут, – сказал Велисвет.

Все надолго замолчали, услышав столь страшные предсказания провидца.

– Так ведь князь Василиск вроде витич. Не может он так поступить со своим народом, – наконец произнёс Заяц.

– Князь так не раз поступал. Василиск уже спалил десять селений к югу, востоку и западу от Зарь-града. Теперь мне стало известно, что князь с дружиной собирается выступить из Зарь-града на север. Теперь в нашу сторону злой князь поведёт свою дружину, – поведал Велисвет.

– Как же он не боится гнева родных Богов? Неужели не почитает он предков? Да были ли у нашего князя мать и отец? Неужто из чужих земель его привезли младенцем? – нахмурившись, спросил Горисвет, – рослый широкоплечий молодой юноша. Он был лучшим охотником в деревне и самым метким стрелком из лука.

– Видно, не верит Василиск в силу Рода, Перуна и Велеса, да и про своих родителей и дедов он давно позабыл, – сказал Велисвет и нахмурил брови.

– А отчего бы нам не послушать чужеземцев? Может, они что-нибудь дельное скажут? – предложил толстый круглолицый мельник Путята.

– Чтобы они ни говорили, а вершить нашу судьбу будет жестокий Василиск. Даже, если они попытаются его остановить, князь не станет их слушать. Ведь не остановился же он, когда другие деревни огню и мечу предавал, – сказал Добрян.

– Может нам в леса уйти? – предложил Ёрш, – темноволосый кудрявый мужичок, не походивший лицом и статью на остальных крепко сложенных деревенских мужиков.

Ёрш был щедрым и сутулым. На его смуглом лице выделялся лишь узкий нос с горбинкой. Крупные глаза были тёмными и маслянистыми. Все жители Комаровки знали, что Ёрш был подкидышем, но об этом ему никогда не напоминали.

– Не пристало нам бояться. Мы живём на своей земле. Здесь у нас и избы, и хозяйство, – сердито сказал Заяц. – Это тебе, Ёрш, всё равно, где жить, поскольку тебя...

Заяц осёкся, подумав, что может обидеть доброго и умного Ерша. К тому же, с Ершом дружил Горисвет, а про силу горисветовых кулачиц Заяц хорошо знал.

– Я свою кузню не брошу! – пробасил кузнец.

– Может, нас не заставят отрекаться от нашей веры, да и новая вера окажется хорошей? Давайте исповедовать две веры. Чем плохо? – продолжал рассуждать Путята.

– Не выйдет, Путята, – покачал головой Горисвет. – Не позволит князь нам верить в наших Богов. И не пощадит нас. Жители Зарь-града рассказывают, как жестокосердый князь ими правит. Над кумирами уже не раз надругался Василиск.

– Слыхивал я, что чужестранцы несут на нашу землю хорошую добрую веру, – сказал Путята. – Может, теперь князь будет с нами ласков?

– Как же, будет он ласков! Порубят нас дружинники да пожгут избы, ежели не защитим себя! – воскликнул Златомир.

– Ясное дело, надо вставать на защиту деревни, – поддержал кузнеца Горисвет.

– Да на защиту-то мы встанем, а что толку? У князя обученная военному делу дружина, и воинов в ней в десятки раз больше, чем у нас мужиков в деревне, – напомнил Заяц.

– А мы по всем окрестным деревням соберём людей и встанем на защиту мщерского края, – предложил Горисвет.

– Совет дельный, да только вот беда – времени у нас мало, чтобы мужицкое войско собрать, – сказал Заяц.

– К тому же, пока будем собирать мужицкую рать, княжеские дружинники могут Берёзовку и другие деревни сжечь дотла, – сказал Добрян.

– Несколько дней у нас ещё есть, – сказал Велесвет.

– Может, нам гонцов в Эрсиянь-град послать за подмогой? – предложил Ёрш.

– Это ты дело посоветовал. Ведь с той поры, как эрсиянский князь Старко пал в бою с печенегами, в Эрсиянь-граде его вдова – княгиня Градислава правит, а сама она родом из витичей, – сказал Заяц. – Её надо просить о помощи. Правда, город, где правит княгиня Градислава, поменьше будет, чем Зарь-град. Однако люди пойдут за своей княгиней – ведь в Эрсиянь-граде витичей и эрсиян почти поровну живёт, и все они ненавидят князя Василиска.

– Вот только захочет ли Градислава выступить против Василиска? Это раньше у эрсиянского князя Старко было великое войско, а нынче мужиков в Эрсиянь-граде мало осталось. Печенеги там их повыбили. Мне об этом рассказали гости из Эрсиянь-града, когда прошлой осенью ко мне приходили заказывать мечи. Зарь-граду повезло, что кочевники не дошли, – поведал Златомир.

– Пусть Велисвет на бересте послание составит, с которым отправим гонца к княгине Градиславе, – предложила Любава.

– Хорошо. Я напишу послание, – пообещал Велисвет.

– В Эрсиянь-град можно направить Яромира, – предложил Добрян.

– Хорошо, Добрян. Пусть твой сын передаст княгине послание, – согласился Велисвет.

Яромир обрадовался, что ему поручают такое важное дело. К тому же, он тут же сообразил, что по пути в Эрсиянь-град может навестить в Берёзовке свою возлюбленную Веру.

– А что по этому поводу скажет Яволод? Да и не знаем мы, выступят ли вместе с нами против Василиска жители Берёзовки и остальных окрестных деревень? – задумался Ёрш.

Яволодом звали волхва из Берёзовки. Хоть и был он молод и горяч, однако многое умел – мог в засуху вызвать дождь, делал обереги, хищных зверей отваживал от своей деревни, из больных хворь выгонял. В их краях только Яволод, Велисвет и эрсиянка Вельмата умели такое творить.

– Ещё не было в Берёзовке схода – сказал Велисвет, – но чувствую, что Яволод настроен решительно. Собирается он поднять жителей Берёзовки на бой с князем Василиском.

– Мы справимся с князем-супостатом! – воскликнул Горисвет. – Коли вместе с мужиками из Берёзовки поднимемся, да ещё горожане из Эрсиянь-града и жители всех окрестных селений к нам на помощь придут, то не удастся княжеским дружинникам с нами сладить.

– Твоими бы устами, Горисвет, да мёд пить, – вздохнув, сказал пасечник Земомысл.

– Вот что сделаем, – решил Велисвет. – Ты, Яромир, через несколько дней поскачешь в Эрсиянь-град. Передашь наше послание княгине Градиславе и ответа от неё дождёшься. А как воротись, обо всём потом расскажешь, и мы решим, как поступать дальше. Только сначала Купалу отпразднуем вместе с нашими соседями из Берёзовки, а уж потом земными делами займёмся. Без праздника никак нельзя.

– А я, пожалуй, снова за свою работу примусь. Скоро много оружия и доспехов понадобится, – сказал кузнец.

Велисвет сошёл с возвышения и растаял в ночи. Жители Комаровки стали расходиться от гаснувшего костра.

Яромир был в восторге оттого, что теперь он не только на Купалу с Верой встретится, но скоро ещё раз к ней в Берёзовку заглянет. Занятый своими мыслями Яромир не замечал, как тяжело вздыхает его отец по пути к деревне.

– Переслава, вернулись ли Светозар и Мирослава? – с тревогой спросил Добрян, как только они с Яромиром зашли в избу.

– До сих пор их нет. Я уж не знаю, что и думать? – встревожено сказала Переслава.

– Волноваться не надо. Наверняка, они заночевали в Омшани, – успокоил жену Добрян.

– Зря я их отпустила. Дома много дел, а они гулять надумали.

– Забыла, что сама молодая была? – спросил Добрян.

– Так ведь ты знаешь, через какой дремучий лес идти в Омшань. Может, они заблудились или на них напали хищные звери, – запричитала Переслава.

– Что ж, завтра мне придётся на лошади поехать в Омшань по лесной тропе, а потом, словно скотину непонятливую, кнутом гнать домой Светозара и Мирославу, – недовольно сказал Добрян.

– Верно. Завтра с утра поезжай в Омшань, – сказала Переслава.

– Может, лучше пусть Яромир поедет за братом и сестрой, – кивнул на сына Добрян.

– Ещё одного сына отправляешь из дома? Змей же ты, Добрян! – рассердилась Переслава.

– Так ведь на сходе решили Яромира отправить гонцом в Эрсиянь-град. Вот и пусть он сперва попробует до Омшани добраться верхом. Хоть Омшань и недалече, да только по буеракам и по узкой тропе через густой лес нелегко туда на лошади доехать, – сказал Добрян и обратился к сыну:

– Завтра рано утром седлай Ласточку и отправляйся в Омшань. А как доберёшься, сразу же – назад! Мирославу посадишь на лошадь, а сами со Светозаром пешком пойдёте. Чтобы завтра к обеду все были дома. Понял?

– Что тут не понять? А дашь мне свой меч и щит? – попросил Яромир.

– Зачем тебе с собой такую тяжесть по лесу таскать? Возьми нож и лук со стрелами. Может, какую зверушку по пути подстрелишь, и не с пустыми руками домой вернёшься. А меч и щит тебе не понадобятся. В лесу только косолапый может на тропу выйти да лошадь напугать, так ведь у тебя на такой случай оберег есть, – сказал Добрян.

Яромир лёг на лавку и быстро заснул.

На рассвете его разбудили заголосившие по всей деревне петухи. Мать уже подоила корову и вернулась в дом. Она гремела посудой в углу избы, где располагалась кухня, отделённая занавесью. Отец, негромко похрапывая, спал на печи.

Яромир попрощался с матерью, взял нож, лук, колчан со стрелами и вышел из избы. Затем он вывел из сарая гнедую кобылу. Погладив Ласточку по холке, Яромир вскочил в седло и направился к лесу. Умная Ласточка сама вышла на тропу, ведущую в Омшань. В лесу стояла тишина. С веток капала роса. Хотя Яромир пригнулся к шее неспешно идущей лошади, иногда его неприятно щекотали по лицу колючие еловые лапы, низко свисавшие над тропой.

Ласточка несколько раз всхрапывала и шарахалась в сторону. Видно, близко к тропе подходили хищные звери, однако ни волки, ни медведи не решались напасть на всадника и лошадь. Яромир был уверен, что оберег, висевший у него на груди, действует безотказно. Когда приходилось преодолевать глубокие овраги, Яромир спешивался и вёл Ласточку, взяв её под уздцы.

Наконец, густой лес расступился. На большой поляне, окружённой вековыми елями, стояла эрсиянская деревня Омшань. Избы здесь мало отличались от изб в витичских деревнях, только крыши у них были покрыты не серой осиновой дранкой, а коричневым сухим мхом. Кроме домов в Омшани было много землянок – намного больше, чем в Комаровке. В этом месте было душно, не ощущалось даже дуновения ветерка. В воздухе стоял гул от назойливых комаров и мошки. Яромир принялся бить ладонью кусачих насекомых, садившихся ему на щёки и лоб.

По обыкновению, витичские селенья стояли на открытых местах, продуваемых свежим ветром, который разгонял мошек и комаров. Деревни витичей обычно располагались на холмах, на высоких берегах рек, возле больших озёр, посреди просторного поля или, в крайнем случае – на опушке леса. В родной деревне Яромира, стоявшей на опушке густого леса, летом тоже было немало комаров, и она не случайно называлась Комаровкой. Эрсиянская же деревня Омшань, стоявшая посреди дремучего леса, была комариным царством.

Навстречу Яромиру из деревни выбежала шумная ватага светловолосых ребятишек. Из изб и землянок стали выходить взрослые жители. Местные бабы были одеты не в сарафаны, как витичанки, а в длиннополые льняные платья серого цвета. Затейливый орнамент, вышитый красными нитями, украшал подола платьев у женщин и высокие воротники и края серых рубах у мужиков. Как и витичи, эрсияне ходили в лаптях. Редко кто из жителей Омшани мог похвастать кожаными сапогами.

Появлению всадника-витича здесь не удивились. Жители Комаровки нередко приходили или приезжали в Омшань. Яромир здесь тоже бывал не раз.

К Яромиру подошёл прявт Уштай – седой худошавый высокий старик с окладистой бородой и серыми внимательными глазами.

– Шумбрат! – приветствовал гостя Уштай, приложив к сердцу правую руку. – Да хранит тебя Инешкипаз!

Старейшина-прявт говорил, немного отрывисто произнося витичские слова. Яромир вспомнил, как приветствовал Велисвет прявта Уштая, когда тот приходил в их деревню и, почти в точности повторил слова волхва:

– Здравствуй, дядя Уштай! Пусть всегда помогают тебе твои Боги и духи твоих предков, а наши Боги к тебе будут милостивы! Пусть над Омшанью и всеми селениями эрсиянскими вечно сияет Ярило!

– Мир тебе, Яромир! Зачем пожаловал к нам, сын Добряна? Ищешь кого? – спросил прявт, заметив, как внимательно посматривает по сторонам Яромир.

– Ищу своего брата и сестру, – ответил Яромир.

– Они до сих пор спят в моём доме. Устали, видно, после праздника.

– У вас был праздник?

– Да. Мы славили Мастораву – Богиню земли. Пусть Добрян не обижается. Это я уговорил Светозара и Мирославу остаться в Омшани на ночь. Да и тебя я прошу спешиться и пройти ко мне в дом. Для тебя ещё осталось угощение, – сказал прявт.

– Я не могу задерживаться. Мать переживает. Отец будет гневаться, – сказал Яромир и спрыгнул с лошади.

– Хоть немного поешь, а потом с братом и сестрой домой отправишься. Лошадь твою сейчас овсом угостят, – сказал Уштай и хлопнул в ладоши.

Тотчас к Ласточке подбежал один из молодых парней и увёл её в сарай.

Уштай повёл гостя к своей избе, на крыльцо которой вышли заспанные Светозар и Мирослава. Брат и сестра ходили на своего отца. Как и у Добряна, у них были волнистые русые волосы и голубые глаза. Светозар был на полголовы выше своего младшего брата, и у него уже выросла борода. Светозар потянулся и спросил Яромира:

– Тебя отец за нами послал?

– Отец, – кивнул Яромир. – Мать переживает.

– А мы вчера были на празднике. Я уже взрослый – мне можно, – ответил Светозар, снисходительно глядя на младшего брата.

– Ты взрослый, да Мирослава ещё мала, – возразил Яромир.

– Мы сейчас же отправимся домой, – засуетилась Мирослава.

– Постой, красавица! – остановил её прявт. – Сначала поешьте, а в путь после отправитесь. Пройдёмте в избу.

Не успел Уштай усадить гостей за стол, как в избу вошли две женщины, которые поставили на стол большой кувшин с медовухой и пустые кружки и миски. Со двора донеслось бляенье. В приоткрытую дверь потянуло дымом. Яромир догадался, что во дворе собирались забить и зажарить ягнёнка.

– Сейчас отведаете жареного мяса, – сказал гостям Уштай.

– Угощаешь ты нас, дядя Уштай, словно Велисвета, – смутившись, произнёс Светозар.

– А я не скрываю, что ищу дружбу со всеми витичами. Бились мы с вами плечом к плечу с врагами, и всегда будем вместе, – сказал прявт. – Приятно мне, что ты, Светозар, полюбил мою племянницу Виринею.

Светозар удивлённо посмотрел на прявта.

– Не удивляйся. Мне о вас с ней никто не рассказывал. Хоть я не могу, как ваш волхв Велисвет, мысли читать, а всё же вижу, что полюбил ты её. Жаль, не удалось тебе её поцеловать.

– Хитрый ты, дядя Уштай! Всё замечаешь! – воскликнул Светозар.

– Так ведь моя обязанность всё примечать, – улыбнулся в седую бороду прявт.

– Убежала Вириная, как только хотел я её поцеловать, – грустно сказал Светозар.

– А что, Вириная, краше всех девушек? – спросил Уштай.

– Краше, – сказал Светозар.

– И наш Москай тоже ладный парень. Вижу, пришёлся он тебе, Мирослава, по нраву, – сказал прявт.

Зардевшись, девушка тихо проговорила:

– Уж больно хорошо Москай на дудке играет.

– Вы приходите к нам чаще в гости на праздники! – пригласил Уштай.

Вскоре женщины принесли на подносах ароматное жареное мясо. Гости стали есть мясо и пить густую пряную медовуху, настоянную на мяте.

– Какое вкусное мясо! И медовуха у вас, дядя Уштай, отменная, – похвалил угощение Светозар.

– Так ведь мясо мы готовим с лесными травами, а в мёд мяту и хмель добавляем, – объяснил прявт.

– Пожалуй, мы пойдём, иначе и к вечеру домой не воротимся, – закончив трапезу, сказал Светозар.

Уштай вышел вместе с гостями на улицу. К ним подвели Ласточку, на которую уселась Мирослава.

– Может, провожатых вам дать? – предложил Уштай. – А то медведей в округе много развелось.

– Мы не малые дети, чтобы косолапых бояться! – вспыхнул Светозар и схватился за рукоять заткнутого за пояс ножа.

– Я из лука хорошо стреляю, и обереги у нас у всех есть, – сказал Яромир.

Тем временем Мирослава взглянула на вышедшего из соседней избы молодого зеленоглазого парня с кудрявыми льняными волосами – пастуха Моская, и едва заметно улыбнулась ему. Москай кивнул ей в ответ, тряхнув кудрявой головой.

– До свидания! – сказал Светозар.

– Неемазонок! Счастливого пути! – попрощался с гостями Уштай.

Светозар взял Ласточку под узду и повёл её за собой. Яромир последовал за братом и сестрой, ехавшей на лошади. Прявт Уштай долго смотрел им вслед. Он искренне желал счастья для детей Добряна и Переславы. Уштай не кривил душой, когда улыбался гостям из Комаровки. Нравились ему дети Добряна. Хотя при этом прявт постоянно держал в уме, что жителям Омшани, как никогда раньше, нынче нужна была дружба с витичами. Наслышан был Уштай о намерениях князя Василиска. Прявт был уверен, что рано или поздно князь приведёт в Омшань свою дружину и чужеземных проповедников. Уштай верил, что не изменят эрсияне вере предков, ведь иначе забудет про них Инешкипаз, а Масторава перестанет дарить земные плоды. Однако тогда придётся эрсиянам сразиться с княжескими дружинниками. Надеялся прявт на то, что вместе с ними против князя Василиска выступят жители окрестных витичских деревень.

Но всё же Уштая терзали сомнения. Хоть и знал он, что вера в своих Богов сильна и у витичских землепашцев, но вдруг они решат безропотно подчиниться князю Василиску, и тогда в одиночестве останутся эрсияне в Омшани. Правда, ещё оставался непокорный Эрсиянь-град, где правила гордая княгиня Градислава. Но в Эрсиянь-граде после набега печенегов оставалось мало людей. Сомневался Уштай, что княгиня Градислава сможет выступить против Василиска. А если не встать на пути княжеской дружины, тогда сожжёт и город, и окрестные деревни своенравный Василиск, а жителей – и стариков, и детей порубит. Слыхивал, Уштай о жестоком нраве Василиска. Потому и мечтал прявт, чтобы не только дружны были эрсияне из Омшани и витичи из Комаровки, но и породнились.

Дети Добряна следовали в родную деревню по узкой тропе, проложенной в глухом лесу. Не видели они, что за ними наблюдает красавица с пронзительным взглядом – юная эрсиянка Вириная, которая укрылась за кустом лещины и смотрела сквозь зелёную листву за двумя парнями-витичами и юной витичанкой, ехавшей верхом на лошади. Особенно внимательно Вириная разглядывала Светозара. Проводив его долгим взглядом, она скрылась в зарослях так незаметно, что не покачнулась ни единая ветка...

В лесу было душно. Мирославу совсем разморило и, задремав, она один раз едва не свалилась с лошади. Светозар и Яромир шли молча, погружённые в свои мысли. Яромир задыхался от терпкого воздуха, настоящего на душистой хвое и дурманящих цветах таволги, и отмахивался от звенящих над ухом комаров. Чем больше он при этом размахивал руками, тем сильнее его кусали комары. Зато как легко Яромир вздохнул, когда они вышли из леса! На опушке его стал приятно обдувать свежий ветер. Улетели прочь все кусачие комары и мошки. Вышла из липкой дрёмы Мирослава. Распрямил плечи и, подняв голову, задышал полной грудью свежим воздухом раздольного поля Светозар. Радовались юные витичи, что они вышли из дремучего леса.

Иначе, нежели дети Добряна, относилась к глухому лесу Вириная, которая знала каждое дерево и каждый кустик в окрестностях Омшани. Проводив витичей взглядом, Вириная растворилась, слилась с лесом и стала его частицей. Не кусали её комары, не хлестали по лицу ветви кустарников, не заплетали ей ноги корни деревьев, не цепляли заросли колючей ежевики за одежду и волосы. Хорошо знала лес Вириная – внучка старой Вельматы, которая уже много лет жила в своей убогой землянке возле Лешачьего болота.

Вириная направлялась к своей бабушке. Она несла для неё гостинец – маленькую берестяную корзинку с сотами, истекающими тягучим золотистым мёдом. Пройдя половину пути по густому ельнику, она вступила в дубраву, затем, преодолев заросший ольхой овраг, проследовала через осинник и оказалась возле Лешачьего болота. Потом Вириная пошла по краю болота, переступая через покрытый лишайником валежник и поросшие зелёным мхом кочки. На возвышенных местах росли кустики черники и голубики, однако чёрных и синих ягод на них пока не было – лето ещё только наступило.

Когда до землянки Вельматы было уже недалеко, Вириная увидела белую фигуру, мелькнувшую за деревьями. Вириная выхватила висевший за поясом нож и подкралась к вековой ели, росшей чуть в стороне от болота. Заглянув за дерево, Вириная увидела присевшую на замшелый пенёк девушку в сером платке и сарафане, подол которого был оторочен красной лентой. Так одевались витичанки.

Осторожно ступая по упругому мху, Вириная бесшумно подкралась к витичанке и поставила к её горлу нож. Девушка вздрогнула и повернула к Виринае лицо. Юная эрсиянка отвела нож.

– Здравствуй, Вера! – сказала Вириная. – С чем пожаловала в наш лес?

Глава 2. Вера и Виринея

Девушки были знакомы. В прошлые годы они несколько раз встречались на берегу Круглого озера, где Вера собирала лечебные травы по просьбе своей матери Ведагоры.

Похожее задание часто поручала Виринее её бабка Вельмата. Из-за того, что возле Лешачьего болота не росли грибы, толчёный порошок из которых старая ведунья использовала в своих обрядах, Виринее иногда приходилось переправляться на безлюдный остров, расположенный посреди Круглого озера. Виринея плавала туда на лодке, которую спрятал в зарослях прибрежного тростника её дядя Уштай. На том острове юная эрсиянка собирала необычные фиолетовые воронковидные грибы.

Витичанка и эрсиянка подружились. В прошлом году Виринея однажды даже привела Веру в землянку к своей бабке. Вера плохо знала эрсиянский язык, однако Виринея, как и большинство жителей Омшани, сносно разговаривала на языке витичей...

– Виринея! – обрадовалась синеглазая красавица и тут же с обидой спросила:

– Что же ты меня чуть ножом не порезала?

– Я тебя сразу не признала. Не ожидала я тебя здесь встретить, – сказала Виринея. – Последнее время отовсюду вести нехорошие приходят. Совсем рассвирепел князь Василиск со своей дружиной. Я подумала, что лазутчица в сторону Омшани глухим лесом пробирается.

– Уж скорее, князь своего ратника, чем девушку, пошлёт, чтобы разведать путь к Омшани, – сказала Вера.

– Всякое может быть. Неизвестно, на какие уловки способен пойти Василиск. Может, он со своей ратью собирается внезапно нагрянуть в нашу Омшань.

– Вам, эрсиянам, хорошо. Ваши селения обычно находятся в глухих лесах, а наши города и деревни стоят на открытых местах. От врагов вам легче хорониться. А ведь от Василиска, сказывают, только в глуши можно спрятаться.

– Выходит, врагами вам теперь стали витичи из Зарь-града?

– Выходит, врагами, – грустно произнесла Вера.

– У эрсиян не только деревни раскиданы среди дремучих лесов, но есть ещё и город, что стоит на высоком берегу Оквы, на открытом месте. А вот, эрсиянские деревни, вправду, сокрыты в глухих мщерских лесах. Вот только почему-то даже среди дремучего леса не удаётся схорониться нашему народу. Вот и родителей моих, печенеги порубили во время набега на Омшань, – вспомнила Виринея и нахмурилась.

– Тогда, сказывают, печенеги заплутали в лесу, и лишь по случаю разорили Омшань. А потом уже в поле витичи вместе с ратниками эрсиянского князя Старко схватились с печенегами. Много тогда воинов полегло.

– Так ведь то были печенеги, а теперь дружинники князя Василиска воюют со своими ремесленниками и землешцами.

– Всё перевернулось на свете, – вздохнула Вера.

– А ведь твою мать и вправду не пощадят воины Василиска, коли зайдут в Берёзовку, – сказала Виринея.

– Надеюсь, что дружина не придёт в Берёзовку. Кстати, именно по просьбе матери я шла к старой Вельмате.

– Что она хочет разузнать у бабушки?

– Ей не надо ничего узнавать. Мать послала меня за помощью. Ей так поясницу скрутило, что она пошевелиться не может.

– Так ведь твоя мать сама ведунья! – удивилась Виринея.

– Других людей она лечит, а сама себя не может. Мать просит узнать сильный заговор от болей в спине и какое-нибудь снадобье. Травы уже ей не помогают, – объяснила Вера.

– Хорошо бы Ведагора какую-нибудь свою вещицу прислала.
– Я её платок с собой прихватила.
– Это хорошо. Ну, пойдём к Вельмате.
– Пойдём! – согласилась Вера, обрадовавшись, что нашла провожатую.
– Ступай за мной! Надо ещё немного по краю болота пройти. Главное, в топь не шагнать, – предупредила эрсиянка и пошла краем болота. Подняв с земли небольшой узелок, Вера последовала за ней.

Виринея приблизилась к невысокому холмику, поросшему густым мхом. У основания холмика виднелась сплетённая из прутьев маленькая дверь, к которой вела заросшая травой канава. Виринея подошла к двери, открыла её и, пригнувшись, вошла в землянку. Вера последовала за ней.

В землянке царил полумрак. В приоткрытую дверь проникал слабый свет. Воздух был пропитан запахами пряных трав. В дальнем углу, на узкой лежанке, кто-то зашевелился. Из-под кучи тряпья выбралась сторбленная старуха с всклокоченными седыми волосами. Она присела на лежанку и пристально посмотрела на Веру.

– Здравствуйте, уважаемая Вельмата! – поздоровалась Вера.

– Шумбрат, тейтерь, – откликнулась старуха скрипучим голосом.

– Инецява, я привела витичанку Веру. Поговори с ней на её языке, – попросила Виринея.

Виринея поставила корзинку с сотами на маленький хлипкий столик и уселась на узкой скамье напротив Вельматы. Рядом с Виринеей устроилась Вера. Она развязала свой узелок и протянула связку вяленой рыбы Вельмате.

– Спасибо за гостинцы! – поблагодарила Вельмата и спросила Веру:

– Рыбу твоя мать прислала?

– Да, – ответила девушка.

– У неё сильно болит спина, – сказала Вельмата.

– Верно. Да вы про неё уже всё знаете! – удивлённо воскликнула Вера.

– Я на тебя взглянула, и тут же представила Ведагору. Дай мне её платок, – попросила Вельмата.

Вера вытащила из-за пояса расшитый красными узорами платок и протянула его старухе.

– Выйдите из землянки! – потребовала горбунья.

Девушки вышли наружу. Из землянки до них доносился скрипучий голос старухи. Слов Вера не понимала, потому что Вельмата произносила заклинания и заговоры на своём языке.

– Иди сюда, витичанка! – закончив произносить заклинания, позвала Вельмата.

Вера зашла в землянку. Старая колдунья пристально посмотрела на девушку. Веру удивил её пронзительный взгляд. Пожалуй, лишь глаза на лице горбуньи оставались молодыми. Лицо Вельматы было похоже на печёное яблоко. Мясистый нос и испещрённые морщинами щёки не красили старуху.

Вельмата протянула Вере пучок сухих трав и полотняный мешочек. Руки у старухи были худые с выделяющимися синими прожилками вен. На пальцах Вельматы Вера заметила два медных кольца и перстень с сиреневым камнем и удивилась, откуда у старухи, живущей в глухом лесу возле Лешачьего болота, могут быть медные кольца и перстень?

– Передашь всё это матери. Пусть заваривает траву, добавляет в отвар порошок из мешочка и пьёт. Нужные заговоры я прочитала. Спина у неё сейчас уже не болит, но пить отвар ей надо, чтобы поясницу снова не прихватило, – сказала Вельмата.

– Спасибо, бабушка! – поблагодарила колдунью Вера.

– Не надо меня благодарить. Ведагора сама людей лечит. Одним делом с ней занимаемся, – сказала Вельмата и, нахмурившись, посмотрела на Веру.

– Почему вы так на меня странно смотрите? – спросила Вера, чувствуя, что от пронзительного взгляда старухи ей становится не по себе.

– Думаю, рассказывать тебе дальше про Ведагору или не надо? – промолвила Вельмата.

– Расскажите, – попросила Вера.

– Что ж, тогда слушай. Матери твоей недолго ещё по земле ходить, – прохрипела Вельмата.

При этих словах старуха смотрела за спину девушки. У Веры похолодело сердце, и на глаза навернулись слёзы.

– Мученицей станет твоя мать, а твоим именем люди назовут Круглое озеро, – проговорила колдунья, устремив взгляд в пространство.

– Как же так? Неужели, мама скоро умрёт? – прошептала дрогнувшим голосом Вера.

Старуха встрепелась и словно отошла от сна.

– Чего испугалась? Или у вас, витичей, люди не умирают? – спросила Вельмата.

– Умирают, конечно, – вздохнула Вера. – Но вот умереть мученицей как-то плохо.

– Не всё так легко бывает в земной жизни. Зато ваши Боги к себе её заберут. Вечно будет жить душа твоей матери, – уверенно произнесла Вельмата.

– Когда это случится? – спросила побледневшая Вера.

– Точное время мне не ведомо. Да не грусти ты так, тейтерь! Думаешь, отчего я не зову сейчас сюда свою Виринеюшку?

– Отчего? – спросила Вера.

– Привиделось мне, неприятность большая грозит не только твоей матери, но и моей любимой внучке Виринее, а ничего поделать нельзя. Всей мщерской земле грозит опасность. Злые времена наступают.

– Разве ничего нельзя поделать?

– Только духи предков да Боги могут нас защитить. Мне самой тоже скоро предстоит этот мир покинуть, – сказала старуха. – Да и пора уже мне. Зажилась я на белом свете. Редко кто так долго, как я, живёт. Устала.

– Вот сказала ты, Вельмата, будто озеро моим именем назовут люди. Как же это так? Чем заслужу такое? Или... – вздрогнула Вера и со страхом посмотрела в бездонные глаза старухи.

– Что запнулась, тейтерь? Ты уж дальше спрашивай.

– Или утону я в том озере? – прошептала Вера.

– Не утонешь. Долго жить будешь, но только не на этой земле, хотя далеко от озера никуда не уйдёшь. И людей за собой поведёшь. Слушать тебя люди будут, словно княгиню. Вижу тебя во главе огромной рати. Встанешь ты на защиту родной Мщеры, и победу обретёшь не только на поле брани, зелёной травой поросшем, но и на небесной ниве, среди синих озёрных вод, – туманные слова произнесла колдунья и уверенно добавила:

– Так будет!

– Не поняла я толком, что случится, – вздохнула Вера.

– Иначе не скажу. Именно так мне духи предков сейчас сказали, – сказала колдунья.

– А что же с Виринеей станется?

– Закончим беседу, – сухо сказала Вельмата. – Ступай домой. А лучше, дожидись Виринею, пока она со мной простаться будет. Она тебя проводит до опушки. Моя внученька лес знает лучше любого охотника. А сейчас, кликни Виринею. Пусть в землянку зайдёт. Прощай, Вера! Матери своей от меня передай, что старая Вельмата ей здравия желает.

Вера взяла мешочек, набитый целебным порошком и пучок высушенных трав, спрятала всё это в узелок, а потом, выйдя из землянки, подошла к Виринее, которая с интересом наблюдала за белками, резвящимися среди еловых лап и осиновых ветвей. Рыжие зверьки с пушистыми хвостами гонялись друг за другом, перепрыгивали с дерева на дерево, прятались в густых ветвях и сердито цокали, выглядывая из-за стволов деревьев.

– Ты отчего такая бледная? – увидев Веру, удивилась Виринея.

– Не знаю. Наверно, душно в землянке даже при открытой двери. Тебя бабушка к себе зовёт, – глухим голосом произнесла Вера.

Как только юная эрсиянка скрылась в землянке, белки перестали метаться среди ветвей и затихли, словно и не было здесь пушистых рыжих зверьков со смешными мордочками.

Виринея долго не выходила. До Веры доносились голоса колдуньи и её внучки. Разговаривали они на своём языке, и Вера многих слов не понимала. Да и прислушиваться ей не хотелось. Она стояла и размышляла над тем, что поведала ей Вельмата.

Виринея вышла из землянки такая же грустная и бледная, как и Вера.

– Что тебе бабушка сказала? – спросила Вера.

– Ничего не сказала. Точнее, ничего не велела говорить, – сказала Виринея, пряча правую руку за спину.

– Ты меня выведешь на опушку? А то я боюсь заблудиться в лесу.

– Я выведу тебя из леса, – пообещала Виринея. – Бабушка меня просила тебя проводить.

Виринея быстрым шагом пошла краем болота. Вера с трудом поспевала за эрсиянкой. Для витичанки глухой мрачный лес возле Лешачьего болота был чужим. Она хорошо знала другой лес, возле своей деревни Берёзовки. Там, среди светлых березняков, просторных дубрав и прозрачных сосняков она чувствовала себя легко и никогда бы в своём лесу не заблудилась. А в глухой лес она заходила, преодолевая страх. И зверья в таком лесу было больше. В любой момент можно было нарваться на волков или повстречать медведя или лося.

Вот и сегодня, по пути к землянке Вельматы, Вера едва не столкнулась с сохатым. Лось, объедавший листву с молодой берёзки, сердито захрапел, повернулся в её сторону и угрожающе наклонил голову, увенчанную мощными рогами. Вере пришлось отступить за деревья и дожидаться, когда сохатый уйдёт прочь. Затем, неподалёку от места, где она встретилась с Виринеей, Вера благоразумно обошла стороной семью кабанов, рывшихся под корнями дуба.

Зато на обратном пути, им с Виринеей ни один крупный зверь не встретился. Вера решила, что Виринея сама немного колдунья, коли она так с весёлыми белками дружит, а опасные звери к ней не приближаются.

Вскоре они вступили в светлый березняк. Здесь были уже знакомые для Веры места. Она сказала, что дальше сама доберётся до дома. Однако Виринея слово, данное Вельмате, сдержала и до самой опушки проводила Веру.

– Ну вот, мы и вышли из леса. Отсюда уже дубовая роща видна, от которой до твоей Берёзовки рукой подать, – сказала Виринея.

– Спасибо! – поблагодарила Вера эрсиянку, и тут взгляд её упал на руку Виринеи, которая стояла, опираясь на ствол берёзы.

Вере бросился в глаза медный перстень с сиреневым камнем на безымянном пальце Виринеи. Юная эрсиянка поспешно убрала руку за спину и угрюмо спросила:

– Что уставилась?

– Да вот увидела, какой красивый камень у тебя в перстне, – сказала Вера. – Кажется, этого перстня у тебя раньше не было.

– А теперь будет, – сказала Виринея.

– Я у Вельматы на руке такой же перстень видела. Не она ли его тебе подарила?

– Нашла я этот перстень на дороге, что идёт в Зарь-град из Эрсиянь-града. Никто мне не дарил перстень! И вообще забудь о нём. Понятно? – сказала Виринея и, сверкнув глазами, направилась назад, в лес.

– Виринея, не уходи! Постой! – позвала Вера эрсиянку.

– Что ещё сказать хочешь? – остановившись, недовольно спросила Виринея.

– Ты приходи к нам с матерью в гости. На озере рыбу половим.

– Некогда мне рыбу ловить. А вот когда на остров соберусь за грибами, загляну к вам, – пообещала Виринея и скрылась в зарослях.

Вера пошла по полю. Солнце палило нещадно. Добравшись до дубовой рощи, она изрядно утомилась. Вере нравилось бывать в этой роще. Кряжистые деревья с резными листьями казались ей живыми существами. Неслучайно эрсияне считали дубы священными деревьями. Неподалёку от Омшани была другая дубрава, в которой эрсияне молились.

Под сенью вековых дубов царила прохлада. Вера направилась к источнику, бьющему из-под корней единственной плакучей ивы, которая росла посреди дубравы. От родника брал начало ручеёк, который впадал в речку, протекавшую в овраге близ Комаровки. Вера легла на живот, положила рядом с собой узелок и стала наблюдать, как вздымались со дна родника и закручивались маленькие песчаные вихри. Можно было бесконечно долго наблюдать за кружащими в воде песчинками. Вера зачерпнула ладонью и выпила ледяную прозрачную воду. И тут она ощутила чьё-то присутствие. Вера оглянулась и вскрикнула, увидев незаметно приблизившегося к источнику незнакомца, у которого на поясе висела сабля в ножнах. Русоволосый кареглазый статный молодец с кудрявой бородой улыбнулся ей. Одет он был, как землепашец – в белую рубаху и серые штаны. Его волосы были подвязаны белой лентой.

– Здравствуй, красавица! – приветливо улыбнувшись, сказал незнакомец.

Вера поспешно вскочила с земли и подхватила узелок.

– Что же ты не отвечаешь? Я тебе не желаю зла, – сказал юноша.

– Откуда мне знать, что у тебя на уме? Ты ведь нездешний, – сказала Вера.

– Угадала. Я нездешний, – признался молодец. – В Омшань направляюсь. Мне бы дорогу туда разузнать. Не по всему же лесу мне бродить.

– Не слыхала я ни про какую Омшань, – ответила Вера, подозрительно посмотрев на незнакомца.

– А сама-то откуда будешь? – поинтересовался молодец.

– Я местная, – уклончиво ответила девушка.

– Из какой ты деревни?

– Я не привыкла с незнакомцами разговаривать. Мне мать не велит.

– Вот как?

– Пропусти меня! – сказала Вера и попыталась пройти мимо незнакомца, но тот преградил ей путь.

– Неужели тебе неинтересно, как меня зовут?

– Мне всё равно, – нахмурившись, сказала Вера.

– Какая ты сердитая!

– Уж, какая есть.

– А я всё же скажу: звать меня Севастьян.

– Пропусти, Севастьян! – снова потребовала Вера. – Меня больная мать ждёт.

– Где она тебя ждёт?

– Тебя научили вопросы задавать, или ты такой любопытный?

– Я любопытный. И обидно мне, что я тебе сказал своё имя, а как тебя величать, не знаю.

– Верой меня звать. Теперь доволен?

– Доволен. Какая же ты красивая, Вера! – сказал Севастьян и обхватил Веру руками, пытаясь поцеловать её.

Девушка стала вырываться. Севастьян откинул в сторону саблю и, повалив Веру на землю, стал жадно покрывать поцелуями её лицо. Он ухватился за ворот её сарафана и рванул его. Вера откинула в сторону узелок и надавила пальцами на глаза Севастьяна. Он взвыл от боли. И тут его крик заглушил оглушающий грозный рык.

Севастьян отпрянул от девушки и увидел рядом огромного медведя, поднявшегося на задние лапы. Юноша вскочил и бросился к лежавшей в траве сабле. Медведь ударил его лапой по плечу и порвал на нём рубаху.

Севастьян выхватил саблю из ножен. Вера поднялась, и вытащила висевший у неё на верёвке груди оберег.

– Уходи, Топтыгин! – попросила Вера.

Медведь повернулся к девушке, рыкнул и встал на четыре лапы. Некоторое время зверь смотрел на девушку угрюмыми маленькими глазками, а потом развернулся и снова направился к Севастьяну.

– Заклинаю тебя Велесом: уходи прочь, лесной Хозяин! – крикнула Вера.

Медведь в очередной раз рыкнул, развернулся и быстро побежал прочь. Севастьян опустил саблю и присел на траву.

– Сильно он тебя царапнул, – сказала Вера, глядя на растекающееся по рваной рубахе багровое пятно.

Юноша положил на землю саблю, скинул с себя рубаху и склонился над родником. Морщась, он стал промывать раны. Вера бросила на Севастьяна взгляд, и увидела у него на шее серебряный крестик, висевший на шнурке. Вера запахнула порванный ворот и, взяв в руку узелок, пошла прочь от родника.

– Может, перевяжешь раны? Порви мою рубаху на куски, да перевяжи плечо, – попросил Севастьян.

– Раны у тебя неглубокие. Кровь скоро сама остановится. Поделом получил! – сурово сдвинув брови, сказала Вера.

– Хоть до деревни доведи!

– До какой же тебя деревни довести? До эрсиянской или до витичской? Или тебе теперь всё равно? Зачем ты собирался разведать дорогу до Ошмани?

Севастьян молчал.

– Откуда ты взялся? – спросила Вера.

– Издалека, из Рост-града иду.

– Вот как? А одежда твоя почему не износилась и даже не запылилась? А сапоги откуда на тебе такие ладные, с блестящей кожей? Деревенские мужики таких хороших сапог не носят. Уж не дружинник ли ты князя Василица?

Севастьян нахмурился.

– Думаешь, будто я не знаю, что в Рост-граде до сих пор тамошние жители – меряне не носят нательные кресты, а только обереги и руны, да и витичей там немного живёт, а ведь ты витич, судя поговору!

– Откуда про Рост-град знаешь? – сурово спросил Севастьян.

– Нам калика-гуслиар про Рост-град сказывал, когда через нашу деревню проходил.

– Значит, смышлёная ты.

– Смышлёная. А ты лазутчик княжеский. Верно?

Севастьян снова не ответил.

– Вот возьму саблю, да зарублю тебя! – сказала Вера и, переложив в левую руку узелок, правой рукой подняла с земли саблю.

– Что ж не рубишь? – взглянув из-под бровей, спросил Севастьян.

– А день сегодня хороший – вот потому и не рублю. Ступай назад. Нечего тебе здесь рыскать. Перед князем оправдаешься, мол, медведь на тебя напал и изранил.

– Ничего лучше не могла посоветовать?

– Ни помогать, ни советовать я тебе не собираюсь. Лучше скажи, если крест на тебе, зачем же ты насильничать меня пытался? – спросила Вера.

– Бес меня попутал. Потом я этот свой грех отмолил бы. Разве мы мало грехов совершаем? Уж больно ты мне приглянулась, – признался Севастьян.

– Вот оно что! Отмолил бы он... Понятно, – сказала Вера.

– Что тебе понятно?

– Всё понятно. Сам же говорил, что я смышлёная! – сказала Вера и, швырнув на землю саблю, направилась прочь.

– Пстой, Вера! Прости меня!

– Уходи скорее отсюда, а не то я мужиков призову. Придут с вилами и тебя продырявят. Или лесной Хозяин вернётся. Так что, спеши, Севастьян! Я тебя по-хорошему предупредила.

– Скажи хоть, где тебя найти? – спросил Севастьян.

– Неужели тебе интересно, из какой деревни придут мужики с вилами? – усмехнулась Вера. – Прощай, Севастьян, и постарайся больше не вставать у меня по пути!

Она развернулась и направилась домой. Девушка решила пойти в Берёзовку не по дороге, напрямик, а окольным путём, чтобы за ней не проследил Севастьян. Выйдя из дубравы, Вера зашагала в сторону соснового бора, за которым лежало Круглое озеро.

По пути Вера размышляла, стоит ли рассказывать дома про появление лазутчика или пощадить неразумного юношу, которого и так наказал Велес, наславший на него медведя? Она так и не решила, как поступит.

По сосняку идти было легко. Одно удовольствие ступать по мягким опавшим иглам. Воздух в сосняке обычно стоял душный, густой, настоянный на пряной хвое, но в этот день здесь дышалось легко. Освещённые солнцем красноватые стволы сосен обдувал лёгкий ветерок, время от времени, налетающий с озера.

Вера вышла на пустынный берег Круглого озера, стянула с головы платок, распустила волосы, скинула лапти и зашла за вербный куст, росший у самой воды. Сняв сарафан, она разбежалась и бросилась в воду.

Вдоволь наплескавшись в озере, она вышла на берег и легла на траву, прислушиваясь к пронзительным крикам беспокойных чаек, носившихся над водой. Под жарким солнцем девушка быстро обсохла, оделась и направилась вдоль берега, чтобы затем выйти на дорогу, которая вела в Берёзовку. Не успела она пройти сотню шагов, как заметила на высоком косогоре мужчину в белой одежде. Сначала она решила, что Севастьян выследил её. Однако, присмотревшись, Вера узнала Яромира – юношу из Комаровки. Сначала она обрадовалась, а потом подумала, что он мог видеть, как она плавала в озере, и рассердилась.

Яромир тоже заметил Веру и, спустившись с обрыва, подошёл к ней.

– Здравствуй, Вера! – улыбаясь, сказал Яромир.

– Чему радуешься? – хмуро спросила Вера.

– Тебя увидел, – сказал юноша. – Не ожидал тебя сегодня здесь встретить.

Судя по недовольному виду Веры, она не разделяла его радость.

– Говори: видел, как я в озере купалась? – строго спросила Вера.

Яромир перестал улыбаться.

– Что молчишь? Врать не умеешь? – спросила Вера.

– Тебе не стану врать. Видел, – признался Яромир.

– Все вы такие, мужики! Любите подсматривать, да приставать, – с обидой сказала Вера.

– Так ведь прошлым летом в ночь на Купалу вы, девчата, голыми через костёр прыгали и в озере купались. И никому не запрещалось смотреть.

– Так-то на празднике. И темно тогда было.

– При свете костра не так уж и темно.

– Что тебе от меня надо? – спросила Вера.

– Увидел тебя, и решил проводить до Берёзовки.

– Ишь, какой заботливый выискался!

– Откуда идёшь, и что у тебя в узелке? – поинтересовался Яромир.

– А если я не хочу тебе рассказывать, где была и что несу, тогда что? – нахмурилась Вера.

– Тогда ничего, – пожал плечами Яромир.

Вера резко повернулась, собираясь уходить. И тут ворот её сарафана разошёлся.

– Что уставился? – запахивая ворот, спросила Вера.
– Где же ты порвала ворот? – спросил Яромир.
– За ветку зацепилась, когда через лес шла.
– А почему не носишь мои жемчужные бусы? – спросил Яромир.
– Берегу их. Правду тебе говорю. Дома они у меня лежат, – уверила девушка, улыбнувшись краешком губ.

Тут из леса донеслось грозное рычание.

– Косолапый близко ходит, – встревожился Яромир. – Всё-таки, я тебя провожу до Берёзовки.

– Без тебя обойдусь. Защитник нашёлся! – хмуро произнесла Вера.

– У меня с собой лук и стрелы. А у тебя и ножа-то нет.

– Мне нож не нужен. У меня есть оберег от хищных зверей.

– У меня тоже есть оберег, только до сих пор не довелось мне им воспользоваться.

– А вот мне довелось. Я сегодня с Лесным Хозяином встретила.

– Уж не он ли тебе ворот сарафана порвал?

– Ветка мне порвала сарафан. Слишком много спрашиваешь! – рассердилась Вера и зашагала вдоль берега.

Яромир на небольшом расстоянии последовал за ней.

Так они и шли по берегу озера, пока Вера вдалеке не увидела стоявшего на крутом берегу Севастьяна в окровавленной рваной рубахе с саблей на боку.

– Проклятый лазутчик! Всё выслеживает, никак не успокоится, – остановившись, прошептала Вера.

– Ты о чём говоришь? – спросил Яромир, догнав девушку. – Я не расслышал, что ты сейчас сказала.

– Это я Велесу молюсь – прошу его, чтобы в пути оборонил меня. Так ты всё ещё идёшь за мной?

– Иду. Мне кажется, тебе угрожает опасность. Вот и косолапый недавно поблизости рычал. Может, меня сам Велес надумил проводить тебя до Берёзовки?

– Ладно. Пойдём вместе, – сказала Вера и взглянула на кручу.

Севастьян уже исчез, скрывшись в зарослях кустарника.

– Что ты там высматриваешь? Уж не косолапого ли заметила? – спросил Яромир.

– Нет там никакого косолапого, – сухо ответила Вера.

– А ты на Купалу придёшь? Слышал, в этом году возле Комаровки, на берегу Круглого озера, волхвы решили праздновать.

– Приду. Вот только что толку мне приходиться? Видела я в прошлом году, как ты на всех девушек засматривался, – недовольно сказала Вера.

– А ведь я тебе жемчужные бусы подарил, а не другим девушкам, – обиделся Яромир.

– Думаешь, купил ты меня этими бусами? – усмехнувшись, спросила Вера.

– Ничего я не думаю. Люба ты мне, – признался Яромир.

– Как быстро я тебе понравилась. А вот я к тебе пока присматриваюсь, – произнесла Вера и ускорила шаг.

Яромир обиженно замолчал. Вера тоже решила не продолжать разговор. Она изредка поглядывала в сторону леса, беспокоясь, как бы Севастьян не проследил за ней. Однако княжеский лазутчик больше не показывался ей на глаза.

Вера и Яромир добрались до места, где обрывистый берег плавно переходил в отлогий склон. Перед ними открылось просторное поле, перемежавшееся перелесками. Вера быстро отыскала дорогу, которая вилась среди высокой травы. По этой дороге они пошли в Берёзовку. Вскоре трава сменилась овсяным полем. Тихо шелестели нежные овсяные колосья, перебира-

емые лёгким ветерком. Казалось, будто по сторонам от дороги колыхались серебристо-зеленоватые волны.

Пройдя овсяное поле, Вера и Яромир вступили в небольшой берёзовый перелесок, за которым начиналось поле, засеянное рожью, посреди которого лежала деревня Берёзовка. Эта витичская деревня была раза в три больше Комаровки.

Яромир и Вера подходили к Берёзовке со стороны молельни, которая стояла рядом с деревней. Яромиру нравилась красивая молельня в Берёзовке. Правда, она была намного меньше молельни витичей в Эрсиянь-граде. Небольшое уютное сооружение под покрытой дранкой двускатной крышей стояло, опираясь на дубовые пни. Снаружи на бревенчатых стенах молельни были вырезаны руны. Внутри стояли деревянные изваяния витичских Богов – Крышени, Рода, Велеса, Сварога, Перуна, Стрибога, Белбога и Дажьбога, на стенах висели вырезанные на деревянных дощечках изображения других Богов. В молельне всегда было сухо и пахло хвоей.

Подойдя к крыльцу, Яромир и Вера услышали бодрый молодой голос. Яволод – волхв из Берёзовки, возносил молитвы Богам.

– Давай зайдём в молельню, – предложила Вера.

– Давай! – обрадовался Яромир, который был не прочь подольше побыть рядом с приглянувшейся ему красавицей.

Яромир и Вера поднялись по широким дубовым ступеням и открыли дверь. В храме находилось около двух десятков человек. Возле стен были установлены вырезанные из дуба кумиры. Здесь, в отличие от молелен в Эрсиянь-граде, изваяния Богов не были окрашены золотистой краской. В центре помещения лежал большой плоский алатырь-камень, возле которого стояли два треножника с установленными на них чашами.

В последнее время языческих храмов становилось всё меньше. Молельни в Зарь-граде уже были разрушены. Там возвели большие храмы с куполами. Однако в Эрсиянь-граде в языческих молельнях молились витичи. Большинство жителей Эрсиян-града молились за городскими стенами – в кереметях и в священных рощах.

Перед изваянием Велеса стоял молодой длиннобородый синеглазый волхв с посохом в правой руке в своём обычном одеянии – длинном чёрном балахоне. Статный – высокий и широкоплечий русоволосый волхв более походил на княжеского дружинника, чем на деревенского волхва. Он был намного моложе Велисвета – волхва из Комаровки. Если Велисвет ходил в белой одежде, то Яволод предпочитал тёмное одеяние. Сказывают, суров был Яволод. При этом он терпеть не мог несправедливость.

Яволод и молящиеся мужики и бабы не обратили внимания на вошедших Яромира и Веру.

Солнечные лучи проникали в узкие оконца, прорезанные под самой крышей, и падали на голову изваяния Велеса, отчего его волосы и борода стали золотистыми. Взглянув на деревянного Велеса, стоявшего у стены, напротив алатырь-камня, Яромир ощутил, как мудрый Бог дарит своё тепло и ему, и всем остальным молящимся витичам.

Волхв взял в левую руку смоляной факел, поджёг его и подошёл к чаше, установленной на треножнике. Затем он поднёс факел к налитому на дно этой чаши маслу. В чаше вспыхнуло пламя. Яволод потушил факел, опустив его в бадью с водой, и обратился к Богу мудрости и чародейства:

– О, Великий Велес!

Яволод изо всех Богов особо почитал Велеса, а потому заранее – за несколько дней до праздника Снопа Велеса начал волхв славить мудрого Бога.

Яволод обвёл всех присутствующих посохом, который держал в правой руке, и произнёс:

– Обращаюсь к тебе от своего имени, от имени Общины и от имени всех молящихся тебе. Слава тебе, Велес!

Молящиеся трижды глухо повторили:

– Слава тебе, Велес!

– Дай нам мудрость твою! Дай нам неодолимую силу твою! Дай нам несокрушимую защиту твою! – говорил волхв. – Укрепи общину, ибо мы потомки твои! Веди нас путями твоими – ибо только ты пути ведаешь. Призываю духов огня!

Яволод простёр правую руку с посохом над пламенем, которое не ожгло его и даже не опалило ни деревянный посох, ни рукав балахона.

– Призываю духов воды! – произнёс волхв и, приблизившись к треножнику с чашей, наполненной водой, провёл над нею посохом, а затем, посмотрев вверх, произнёс:

– Призываю духов воздуха и ветров, духов земли нашей, духов деревьев, духов лесов, духов полей, духов рек и озёр наших!

Затем Яволод передал посох своему помощнику – седовласому крепкому мужику, а тот подал волхву чашу с мёдом. Яволод принял чашу и проговорил:

– В ознаменование союза нашего, Великий Велес, приносим тебе дары: хлеб и мёд.

Волхв поставил чашу с мёдом на алатырь-камень и взял у помощника круглый ржаной хлеб, который тоже положил на священный камень. Седобородый мужик вернул посох Яволоду.

– Слава тебе, во веки веков, Велес! – прокричал Яволод и трижды ударил посохом об пол.

Все, в том числе и Яромир, повторили за ним:

– Слава тебе, Велес, во веки веков!

– Приобщимся же и мы даров Велесовых, – сказал Яволод.

Он снова передал посох помощнику, взял хлеб, преломил его, съел кусочек и передал остальной хлеб стоявшему рядом с ним Яромиру, который проглотил несколько крошек и подал хлеб Вере.

Тем временем волхв поднял с алатырь-камня чашу, испил мёд и передал чашу Яромиру. Юноша сделал глоток золотистого тягучего пряного мёда, и будто пламя полыхнуло внутри него. Он протянул чашу Вере и бросил горящий взгляд на пригубившую мёд красавицу, желая тотчас же прижать её к себе и поцеловать в мягкие уста, на которых застыли золотистые капельки сладкого мёда.

Яромира привёл в чувство громкий возглас Яволода:

– Во веки веков, слава тебе, Велес!

– Во веки веков, слава тебе, Велес! – произнесли все молящиеся.

Яромир тоже произнёс эти слова, и жар в его теле стал утихать. Выйдя из молельни, Яромир нежно взглянул на Веру.

– Что так пристально смотришь? – спросила Вера.

– Люба ты мне, – сказал Яромир.

– Да что ты всё одно и то же повторяешь?

– Так я тебя до порога твоей избы провожу. Ладно?

– Я теперь сама могу до дома дойти. Здесь уже людей наших много по дороге идёт. И тебе пора домой возвращаться. Спасибо, что проводил меня. К себе не зову, потому что моя мать болеет. Хоть и обещали мне, что ей уже лучше должно стать, но сейчас у меня дел много. Вот и отвар надо матери приготовить из лечебных трав.

– Что ж, пойду я в свою Комаровку, – решил Яромир и, поправив на плече лук и колчан, развернулся и направился домой.

– Яромир! – окликнула его Вера.

Юноша оглянулся.

– Что же ты вот так уходишь, не попрощавшись? – спросила девушка.

– А я не хочу с тобой прощаться. Скоро свидимся на празднике. Не забыла, что Купала скоро? – сказал Яромир.

– Не забыла. Будь осторожнее, Яромир! – предупредила Вера.

– Я всегда осторожен.

– Внимательно гляди по сторонам. Мне не всё равно, что с тобой станется.

– То-то гляжу, что ты на берегу озера и потом всю дорогу кого-то высматривала. Скажи, кого мне надо бояться?

– Врагов опасайся. Нынче их много в наших краях, – сказала Вера.

– Ладно. Стану всё время по сторонам смотреть, да назад почаще оглядываться, – пообещал юноша и улыбнулся.

Яромир поцеловал Веру в тёплые уста, и направился в обратный путь.

В Комаровку он воротился вечером. Его родные сидели за столом и ужинали.

– Ты где пропадал, сынок? – спросила Переслава, когда Яромир вошёл в избу. – То Светозар с Мирославой не ночевали дома, а теперь и ты почти на целый день куда-то запропастился.

– Уж не думаешь ли, мать, что дети вечно возле тебя крутиться будут? – спросил Добрян.

– Я прогулялся по берегу озера, а потом прошёл до Берёзовки, – сказал Яромир.

– Вот же, как тебя теперь Берёзовка стала притягивать! – с досадой воскликнула Переслава.

– Мать, ты за нами следишь, словно за какими-то лазутчиками, – почувствовав поддержку отца, осмелел Яромир.

Все сидевшие за столом переглянулись.

– Почему ты сейчас про лазутчика сказал? – поинтересовался отец.

– К слову пришлось, – пожал плечами Яромир.

– К месту ты вспомнил про лазутчика. Только откуда ты мог знать, что ближе к вечеру наши мужики княжеского лазутчика схватили? Ведь, вернувшись с братом и сестрой из Омшани, ты почти тут же ушёл из Комаровки, – удивился Добрян.

– Верно. Мне никто об этом не сказывал. И никого я сейчас на улице не встретил. Все по избам сидят. Где же лазутчика поймали? – заинтересовался Яромир.

– Лучше спроси, зачем его поймали?

– Как это – зачем? Ведь лазутчик – враг, – сказал Яромир.

– Так ведь это не простой лазутчик, а посланный самим князем Василиском. Севастьяном злодей назвался. Вот и гадают теперь Велисвет, что с ним делать. Некоторые предлагают пленника утопить в озере или отдать лесным зверям на растерзание. Однако Велисвет медлит, размышляет. Да и вправду, если найдётся предатель и донесёт в Зарь-град Василиску про смерть Севастьяна, всем нам несдобровать, – вздохнул Добрян.

– Отец, да разве найдутся среди жителей Комаровки предатели?! – воскликнул Светозар. Добрян не ответил, а только тяжело вздохнул.

– А что иное с ним можно сделать, коли жизни лишить нельзя? – спросил Яромир.

– Отпускать лазутчика нельзя. Сразу расскажет своему воеводе и князю что на него мужики напали, поколотили и в сарае связанным держали. Вот и гадаем теперь, что теперь с ним делать. Да ты за стол садись. Поешь, сынок, – подвинувшись, кивнул на угол скамьи Добрян.

– Кто же лазутчика схватил? – полюбопытствовал Яромир.

– Горисвет со Златомиром. Лазутчика взять не трудно было. Его косолапый перед этим немного порвал, а кузнец и Горисвет, сам знаешь, какие крепкие мужики. Они живо злодея скрутили.

– Лесной Хозяин, говоришь, на злодея напал? – спросил Яромир.

– Чему ты так удивляешься? В лесу полно косолапых бродит. А горожане повадки зверей плохо знают, да и обереги теперь жители Зарь-града на груди не носят, – сказал Добрян.

– Да и я сегодня возле озера слышал, как Топтыгин рычал, – вспомнил Яромир и задумался.

– Да ты много не разговаривай, а бери ложку и ешь кашу. А то вон, как лоб наморщил! Морщин у тебя стало много, почти как у Велисвета! Размышлять в твоём возрасте вредно – состаришься скоро, – сказал отец.

– Я не размышляю, а вспоминаю, – проговорил Яромир.

– И не вспоминай, а ешь, – пододвинула сыну миску с кашей Переслава.

Поужинав, Яромир лёг на скамью и сразу же провалился в сон...

Вера зашла в избу и передала лежавшей на лавке матери пожелание здоровья от Вельматы, а потом приготовила отвар из принесённых высушенных трав. Затем Вера развязала узелок и полотняный мешочек, наполненный серым порошком.

– Что за порошок передала Вельмата? Пахнет неприятно, – заметила Вера. – Уж, не из костей ли мертвецов она его натолкла?

– Дай мне, погляжу, что это за порошок? – попросила Ведагора.

Вера протянула мешочек матери. Взяв щепоть порошка, Ведагора помяла его пальцами и закрыла глаза.

– Вижу летучих мышей, висящих в пещере под сводом, папоротник и грибы, которые в нашем лесу не растут. Вот что за порошок прислала Вельмата – это смесь толчёных крыльев летучих мышей, необычных высушенных грибов и листьев папоротника, – определила Ведагора.

– Чудно! Как ты и Вельмата можете столько видеть! – удивилась Вера.

– Я не так много вижу и могу, как она, – призналась Ведагора. – И на расстоянии не могу лечить. Вон как она мне из своей землянки помогла заговорами. Ты ещё не вернулась от неё, а боль у меня уже унялась. Теперь спина лишь слегка побаливает. Мне ведь даже Яволод не помог молитвами. Ещё я слышала, что Вельмата может далёкое будущее предсказывать и видеть незримое, а я редко будущее вижу.

– Лучше этого не уметь, – поспешно проговорила Вера.

– А ведь ты, Вера, что-то скрываешь от меня.

– Нечего мне от тебя скрывать.

– Что Вельмата тебе сказала?

– Ничего интересного. Она больше со своей внучкой Виринеей разговаривала.

– Ну, не хочешь, не рассказывай. А что это ты ворот одной рукой всё время придержи-ваешь?

– Порвала, когда через лес шла.

Вера высыпала в остывшее зелье щепотку порошка и дала его выпить матери. Потом Вера перекусила и легла спать. Ей не спалось. Она вспомнила слова Вельматы, что её мать станет мученицей, и тихо заплакала. Ещё она долго размышляла над другими странными пророчествами эрсиянской колдуньи. А потом ей припомнились встречи с Виринеей, Вельматой, с княжеским лазутчиком и Яромиром. Вспомнив о юноше из Комаровки, она улыбнулась и, наконец, уснула.

Наутро мать послала Веру за лечебными травами. Вера знала, где надо собирать такие травы – на поле возле Круглого озера, неподалёку от Комаровки.

– Если задержишься до вечера, не надо затемно возвращаться домой, лучше останься в Комаровке. И если сильный дождь тебя застанет в поле, или сильно устанешь, тогда тоже ступай в Комаровку, – посоветовала Ведагора дочери. – Люди там живут добрые – в любую избу пустят.

Вере не хотелось идти к озеру, где она опасалась снова встретиться с Севастьяном, но говорить об этом матери не стала. И просить кого-либо из молодых парней из своей деревни пойти вместе с ней Вера не посчитала нужным. Иначе тот, кого она выбрала бы себе в провожатые, возомнит себе, что станет её суженым, а этого Вера не желала, поскольку никто из местных юношей ей не был люб.

Вера зашила порванный ворот сарафана, взяла плетёную корзину, заткнула за пояс нож и вышла из избы. Она добралась до укрытого густым туманом озера, когда солнце уже поднялось над дальним лесом. Вера пошла по берегу в сторону поля, на котором мать с раннего детства учила её собирать травы.

Вера уже преодолела большую часть пути и собиралась выйти на просторное поле, за которым лежала Комаровка, как её внимание привлёк колыхавшийся у самой воды высокий тростник. Вера приблизилась к зарослям тростника, и, заметив, что в них кто-то возится, схватилась за нож. Тут из зарослей показалась Виридея.

– Это ты? – удивилась Вера.

– Надо же, снова нам довелось свидеться! – воскликнула Виридея, бросив взгляд на зажатый в руке Веры нож. – Ты на этот раз решила взять нож? Правильно. Нынче без оружия нельзя уходить далеко от дома. Ты зачем снова так далеко ушла от своей Берёзовки?

– Меня мать отправила за травами.

– Вроде тебе для неё лечебную траву моя бабушка дала.

– Так ведь это только для матери моей Вельмата передала траву, а Ведагоре надо самой лечить людей. Хоть она и не здорова, но кто же в Берёзовке будет избавлять людей от хворей?

– А ты на что? Разве мать тебе свой дар не оставит?

– Как-то мать мне сказала, что не такой у неё великий дар, чтобы по наследству его передавать. Конечно, травами я лечить людей смогу, а вот заклинаниями им помочь вряд ли сумею. А тебя твоя бабушка не собирается обучать колдовскому делу? – поинтересовалась Вера.

– Мне надо на остров, – не ответив на вопрос Веры, сказала Виридея. – Меня тоже бабушка послала, только не за травами, а за грибами. Я уже собиралась на остров плыть на лодке, да тут почувствовала, что кто-то за мной наблюдает. И тут тебя увидела.

– А не рановато ещё за грибами ходить? Сморчки уж давно сошли, а другие грибы ещё не скоро пойдут.

– Те грибы, что на острове растут, с ранней весны до осени не сходят.

– Скажи, Виридея, почему на тот остров люди бояться плавать? – спросила Вера.

– А я откуда знаю? – пожалала плечами Виридея.

– Сказывают, нечисто на том острове. Люди там пропадали. А ещё над заколдованным островом по ночам мерцают блуждающие синие огоньки. Я сама их однажды видела в вечерних сумерках с берега озера. Ты на острове ничего странного не замечала?

– На земле много удивительных вещей. И на острове тоже есть кое-что странное, – уклончиво ответила Виридея.

– Говорят, на остров Вельмата иногда переправлялась на лодке.

– Моя бабушка уже давно там не была.

– Знаешь, как остров в народе стали называть в последнее время?

– Не знаю.

– Островом Виридеи. Люди ведь примечают, что ты бабку свою заменила и теперь на остров на лодке плаваешь. Так что в честь тебя остров назвали. И витичи, и эрсияне так остров теперь именуют.

– Надо же, – равнодушно произнесла Виридея.

– Ты не возьмёшь меня с собой на остров? – вдруг спросила Вера.

– А разве ты не собираешься собирать траву в поле?

– До вечера я успею и на острове побывать, и траву собрать. К тому же, мать мне разрешила в Комаровке переночевать, если до вечера задержусь.

– Хорошо, – согласилась Вириanea. – Только, уговор: о том, что ты была на острове и там видела, никому не рассказывай.

– Ладно. Даю слово, – пообещала Вера.

– Что ж, корзина тебе может пригодиться не только для трав. Отправимся мы с тобой на остров за грибами. Моя корзина уже в лодке лежит, – сказала Вириanea.

– Ты даже не представляешь, как мне хотелось на острове побывать, да только одной мне было боязно туда плыть. У нас в Берёзовке даже мужики боятся переправляться на остров. Рыбаки сети с лодок стараются ставить от него подальше.

– Что ж, пошли к лодке, – позвала Вириanea.

Вера и Вириanea пошли к зарослям тростника, столкнули лодку на воду и забрались в неё. Вириanea села на вёсла и стала грести. Девушки направились к острову, окутанному густым туманом.

В это время на берег Круглого озера вышли Светозар и Яромир.

– Смотри, какой густой туман лежит над озером! Правда, возле берега туман почти рассеялся, а вот острова не видно, – отметил Яромир.

– Говорят, этот остров на самом деле иногда становится невидимым, словно вовсе пропадает. Рыбаки из Берёзовки рассказывали, как года два назад они плыли мимо острова, и вдруг прямо у них на глазах его не стало. Хоть и страшновато им было, но решили поплыть к тому месту, где остров тот недавно был. Проплыли они по тому месту, а там кругом только вода. Не стало острова! И под водой рыбаки ничего не увидели. Впрочем, дна в нём и так не видать. Круглое озеро очень глубокое, если не считать небольшой отмели, протянувшейся в одном месте к острову. А на другой день остров снова появился, – рассказал Светозар.

– Этот остров заколдованный. А ведь его называют островом Вириanea. Люди видели, как она на остров на лодке плавает, – вспомнил Яромир. – Люди сказывают, что скоро в Омшани появится молодая колдунья. Ведь обычно старухи своим дочерям или внучкам передают свой колдовской дар. А старая колдунья Вельмата, которая возле Лешачьего болота живёт, приходится Вириanea бабушкой.

– Люди всякое могут наговорить. Слушай их больше! – сказал Светозар.

– Так ведь ты сам сейчас рассказывал о рыбаках, на глазах у которых, остров пропал. Им-то ты веришь?

– Не знаю. Возможно, рыбаки правду рассказали, а, может и набрехали. Верить нынче никому нельзя, – проговорил Светозар.

– Посмотри-ка, брат – кажется, от зарослей прибрежного тростника отчалила лодка! – воскликнул Яромир.

– Верно. И в лодке – две девушки. Неужели, они направляются к острову? – удивился Светозар.

– Одна из девушек – Вера, – присмотревшись, определил Яромир.

– А на вёслах сидит Вириanea, – узнал юную эрсиянку Светозар.

– Всё-таки, заманила Вириanea Веру на свой заколдованный остров, – проговорил Яромир.

– Вера, наверняка, сама напросилась на остров сплавать, – сказал Светозар.

– Если долго не будут возвращаться, придётся у рыбаков из Берёзовки лодку взять и на их поиски отправляться. Дурная слава идёт об этом острове. Зря Вера с Вирианеёй связалась, – заволновался Яромир.

– Вириanea-то чем виновата, что об острове идёт плохая молва? – начал сердиться Светозар.

– И зачем только Вера сдружилась с внучкой колдуньи? – не слушая старшего брата, говорил Яромир.

– Пусть Вириная – внучка колдуньи, и она сама скоро станет колдуньей, а, всё равно, она лучшая девушка на всём белом свете! – с жаром произнёс Светозар.

– Нет, брат. Самая хорошая на свете девушка – Вера из Берёзовки, – сказал Яромир, глядя на удаляющуюся от берега лодку, в которой плыли к укрытому в тумане острову две подружившиеся красавицы.

Глава 3. Остров Виринея

Виринея ловко управлялась с вёслами, словно всю жизнь жила на берегу большого озера или широкой реки.

Вскоре сквозь плотный туман Вера рассмотрела на острове кроны деревьев. Затем проявился лежащий на берегу огромный валун и склонившиеся к воде ивы. Чуть дальше росли дубы, берёзы и осины. Лодка уткнулась в песчаный берег. Взяв корзины, на дно которых положили ножи, девушки выбрались из лодки. Виринея сложила вёсла под сиденья и привязала лодку верёвкой к валявшейся на берегу коряге.

Вера осмотрелась. Туман окутывал лишь берег острова. Вера вспомнила, что этот остров люди считают заколдованным, и поёжилась.

– Что, зябко? – спросила Виринея.

– Немного, – призналась Вера.

Над лесом пронёсся ветерок, прошелестевший по кронам деревьев, и послышался громкий звук, похожий на тяжёлый вздох.

– Кто сейчас так громко вздохнул? – вздрогнув, спросила Вера.

– Наверно, ветер подул. Испугалась? – усмехнулась Виринея.

– Нет.

– Молодец, что не испугалась. А то даже мужики, которые на озере рыбачат, отчего-то боятся на остров высаживаться.

– Нехорошие слухи ходят об этом острове. Ещё я слышала, что не только люди, осмелившиеся добраться до острова, на нём пропадают, а бывает, что остров сам исчезает, словно тонет в озере, а потом снова появляется.

– Порой рыбаки пьют крепкую медовуху перед тем, как выходят на лодках ставить сети. Вот и исчезает остров с их пьяных глаз. А насчёт того, что на острове пропадали люди, так может, они в озере тонули. Только причём здесь сам остров? А вот грибы на острове растут необычные, но в этом ничего страшного нет. Правда, странные тут не только грибы... Но я сюда часто переправляюсь на лодке и ничего со мной не случилось.

– А что здесь ещё странное?

– Всякое, – уклончиво ответила Виринея.

Вера посмотрела на траву, на которой блестели капельки росы, и заметила множество норок.

– Видно, на острове много мышей, – сказала Вера.

– Мыши здесь водятся. Тут много чего есть. Между прочим, можешь на острове собрать траву. Здесь такие же лечебные травы растут, что и на поле, между озером и Комаровкой, – посоветовала Виринея.

– Тут большой лес?

– Весь остров порос густым лесом.

– А тропы тут проложены?

– Нет тут троп. Некому их протаптывать. Крупных зверей здесь нет. Медведи и волки лишь зимой на остров по льду порой захаживают, но летом звери на острове не живут.

– Отчего же? Может, как и людям, медведям и волкам здесь неуютно? Кстати, и птиц здесь не слышно.

– Птиц тут немного, но они есть. Ну, что, так и будем на берегу стоять? Идём в лес, – позвала Виринея.

Девушки зашли в лес, который напомнил Вере чащу возле их деревни. В лесу было сумрачно, кое-где лежали поросшие мхом поваленные стволы деревьев.

– Где здесь грибы искать? – спросила Вера, всматриваясь под ноги, в высокую траву.

– В дуплах, – сказала Виринея.

– В дуплах? – удивилась Вера.

– Да. Нам надо выйти на поляну, на которой растут три дуба с большими дуплами.

– Как же в дуплах грибы растут?

– На дне дупла старого дерева обычно много перепревшей трухи, на которой растут эти грибы.

В зарослях кустарника запел соловей. Ему ответил другой лесной певец. К ним присоединилась малиновка. В траве Вера заметила несколько мышей.

– Здесь крупных зверей нет, зато мышей много. И птицы здесь, всё-таки, водятся, – обрадовалась Вера. – Когда птицы поют, на душе становится весело. И лес тут, хоть и немного мрачный, но не жуткий, – отметила Вера.

– Здесь обычный лес, – сказала Виринея.

– Ещё долго идти?

– Та поляна, на которой стоят дубы с большими дуплами, уже близко, – уверила Виринея.

Пение залиvistых соловьёв и весёлой малиновки стихло.

Девушки вышли на поляну, посреди которой высился могучий кряжистый дуб с большим дуплом. Чуть в стороне от него росли два дуба поменьше и несколько берёзок. Не доходя несколько шагов до большого дуба, Виринея остановилась и сказала:

– Стой!

Удивлённо посмотрев на подругу, Вера встала рядом с ней. Виринея бросила к подножию дуба с дуплом свою пустую корзину, а затем посмотрела на крону дуба, немного подождала и сказала:

– Теперь можно.

Вера первой подошла к могучему дереву и заглянула в дупло.

– Не суй в дупло руку! Лучше отойди в сторонку, – предупредила Виринея и, подняв с земли толстую сучковатую палку, несколько раз постучала ею по стволу.

– Ты решила стрясти с дуба жёлуди? – удивилась Вера.

– Какие ещё жёлуди? Зачем нам жёлуди? Я бью по стволу, чтобы прогнать змей, которые любят прятаться в дуплах.

– Так что же ты раньше не предупредила, что здесь есть змеи? – Вера с опаской стала всматриваться в высокую траву. – Гадюки или медянки тут водятся?

– Здесь обитают не гадюки и не медянки, а другие змеи. Они довольно странные.

– Они кусачие?

– Все змеи кусачие, если их потревожишь. На этом острове меня однажды такая змейка в руку укусила. Больно было, но рука не сильно опухла. К тому же, здесь водятся мелкие змейки. Они даже грибы не давят, которые в дуплах растут. Только эти змейки не совсем такие, которые обитают в наших лесах.

Виринея ещё несколько раз ударила палкой по стволу, и из дупла послышалось злобное шипение.

– Там змея? – спросила Вера.

– И не одна. В дупле змеиный выводок, – прислушавшись, определила Виринея. – Будет плохо, если несколько змей разом ужалят.

– Может, пойдём отсюда подобру-поздорову? Обойдёмся без грибов, – предложила Вера.

– Без грибов мне нельзя возвращаться. Снадобье, приготовленное из этих грибов, помогает моей бабушке лечить болезни, которые травами не лечатся, – объяснила Виринея и стукнула по стволу так сильно, что палка переломилась.

Вера замерла от страха и удивления, когда увидела, как из дупла показалась маленькая приплюснутая голова змеи, а затем выползла и сама небольшая зелёная змейка. Вера заметила на спине этой странной рептилии тёмный нарост.

Змейка сползла по стволу на землю и расправила свои кожистые чёрные крылышки, которые Вера поначалу приняла за нарост. Рептилия на несколько мгновений замерла, а затем её крылышки завибрировали, послышалось тихое жужжание. Догадавшись, что змейка готовится взлететь и может наброситься на неё, Вера отступила на несколько шагов. Однако змейка не стала взлететь, а подползла к дубу и заскользила вверх по стволу, часто взмахивая крылышками. Прошло несколько мгновений, и крылатая змейка затерялась среди тёмно-зелёной резной листвы. Затем из дупла, одна за другой, показались ещё четыре зелёные змейки, которые, повторив манёвр первой крылатой рептилии, скрылись в густой кроне дуба.

Виринея подхватила свою корзину, подбежала к дубу, запустила руку в дупло и вытащила из дупла тёмно-фиолетовый гриб, похожий на груздь. Тут же эрсиянка вытащила из дупла ещё два десятка грибов и положила их в свою корзину.

– А теперь отойдём подальше! – крикнула Виринея и отбежала от дуба.

Вера последовала за подругой. В это время из кроны дуба, расправив крылья, удивительные змейки слетели на землю.

К счастью для девушек, рептилии не направились в их сторону, а вернулись к дубу и, трепеща крылышками, снова поднялись по стволу и скрылись в густой кроне.

– Ну, что? Неплохо получилось? – спросила Виринея.

– А почему ты заклинаниями не прогнала из дупла крылатых змеек? – удивилась Вера. – Неужели Вельмата не научила тебя пользоваться заклинаниями?

Вера украдкой в очередной раз взглянула на перстень на руке Виринеи. Внучка колдуньи перехватила её взгляд, но не стала сердиться, а терпеливо объяснила:

– Дело это для колдуньи пустяковое – змеек из дупла прогнать. Но на то, чтобы заклинания исполнились, приходится тратить много усилий. А у меня пока мало сил и колдовских знаний. Однако бабушка решила вскоре передать мне свою колдовскую силу. Вельмата собирается покинуть белый свет. А её перстень, который тебя так интересует, позволяет ей за мной следить и оберегать меня, на выручку издалека приходить. Только про бабушкин перстень и о том, что я сейчас тебе рассказала – никому ни слова! А то я с тобой ничем больше не стану делиться. А ведь ты у меня одна настоящая подруга. Наши, омшанские, девчата и парни, со мной не дружат из-за того, что я внучка колдуньи. Наверно боятся, считают, будто мы с бабушкой знаем со злыми духами. А ведь Вельмата только добро людям делает.

– Обещаю никому не рассказывать. А скажи, откуда такие странные змейки в дупле взялись?

– Они тут давно живут.

– А теперь мы направимся к другим дубам, в которых есть дупла? – спросила Вера и содрогнулась, представив, что и в тех дуплах тоже могут скрываться крылатые змейки.

– Не бойся. Не во всяком дупле прячутся змейки.

– Уж больно жутко смотреть, как крылатые зелёные змеи с ветвей дуба слетают! Так они и на голову могут упасть.

– Не думаю, что эти змейки на людей охотятся. Ты верно ещё на берегу заметила, что на острове много мышинных норок. Скорее всего, эти змейки охотятся на мышей. В лесу этих змей немало. Они в кронах дубов и в дуплах днём прячутся. Впрочем, на Лешачьем болоте змеи пострашнее водятся. Порой встречала я там больших гадюк, у которых голова с кулак здорового мужика будет, – вступилась за местных змеек Виринея.

Вера с опаской посмотрела вверх, стараясь рассмотреть среди ветвей крылатых зелёных тварей.

– Днём змейки смирные. Они на охоту выходят в сумерках. Это мы их потревожили, вот они и разлетались вокруг дуба. А вечером и ночью лучше в этом лесу не оставаться. Однажды я до позднего вечера задержалась на острове. А когда отчаливала на лодке от острова, услышала шелест и шуршание. Возле берега росла ива. Так вот, я заметила, как несколько змеек, слетели

с ветвей ивы. И мыши тут же запищали, как только крылатые змеи на них начали охоту, – рассказала Виринея.

– Пожалуй, я на этой поляне нарву траву. Вон та, которая с метёлками, согдится. Здесь её много! – обрадовалась Вера. – Стану собирать её, не приближаясь к деревьям.

– Что ж, собирай. Торопиться некуда. До вечера ещё далеко.

Вера занялась сбором травы, а Виринея направилась к невысокому дубу, у которого дупло находилось возле земли. Девушка подняла с земли кривую палку и принялась колотить ею по стволу. На этот раз крылатые змейки из дупла не показались. Виринея без опаски запустила руку в дупло и вытащила оттуда десять крупных фиолетовых грибов. Затем Виринея добыла несколько грибов из дупла ещё одного росшего на поляне дуба.

– Что Вельмата будет делать с грибами? – поинтересовалась Вера, увидев, что Виринея набрала полную корзину.

– Она их сушит, а потом готовит из них порошок. Бабушка его добавляет в лечебные отвары. Если из этих грибов приготовить и выпить отвар, то человек не только выздоравливает от тяжёлой болезни, но и становится сильным и бесстрашным. Вот только эти грибы по-разному на людей действуют. К примеру, моей бабушке после нескольких глотков крепкого грибного отвара, мертвецы являлись, и она с ними беседовала, – поведала Виринея.

– Как это? Какие мертвецы? – шёпотом спросила Вера. – Зачем ты меня всё время пугаешь?

– Так ведь к бабушке являлись не сами мертвецы, а их души. Чаще всего – души наших предков, с которыми бабушка вела долгие беседы. Духи предков плохому не научат, – сказала Виринея и сказала:

– Смотрю, ты свою корзину травой наполнила. Пора возвращаться к лодке.

– Теперь, когда я знаю, что здесь водятся змеи, неприятно ходить по высокой траве.

– Тогда пойдём кружным путём – через березняк. Там низкая трава, и в кронах берёз змейки не водятся, – предложила Виринея.

Подруга вывела Веру к берёзовой роще. Витичанка была рада, что они возвращались по светлому березняку. Здесь сквозь ажурные кроны берёз пробивались тёплые солнечные лучи, а под ногами стелилась мягкая низкая трава. Вскоре они вышли к небольшому озерцу с прозрачной водой.

– Какое красивое лесное озеро! – обрадовалась Вера и, поставив на землю корзину, направилась к водоёму.

– Ты куда? Остановись! – крикнула Виринея.

– Водицы хочу испить. Вода здесь чистая, словно в роднике.

– Из этого озерца нельзя пить.

– Почему? – удивилась Вера. – Озеро чистое – ряски на поверхности нет, камыши по берегам не растут. А какая прозрачная вода – каждый камешек на дне виден!

– Значит, не веришь ты мне. Что ж, тогда, смотри! – сказала Виринея и, подойдя к озерцу, сняла с головы платок, скомкала его и бросила в воду возле берега.

– Зачем ты это сделала? – удивилась Вера.

– Немного подожди и всё сама увидишь.

Вера заметила, как на дне зашевелились тёмные жуки, которые поплыли к платку, старательно работая своими широкими лапками, словно вёслами.

– Какие милые жучки живут в этом озерце! – заулыбалась Вера. – Откуда они взялись? Только что их не было видно. Наверно, они на дне под камешками прятались. Это плавунцы?

– Нет. Не плавунцы, – сказала Виринея.

Водяные жуки облепили платок, а вскоре от него во все стороны поплыли клочья ткани, и на каждый обрывок накидывались новые насекомые. Вода возле платка кишела чёрными жуками. От озерца доносились чавкающие звуки.

– Они твой платок пожирают! – воскликнула Вера. – Сейчас от него ничего не останется. Действительно жуки распотрошили платок так, что от него не осталось и следа. Жуки скопились возле берега и образовали шевелящуюся чёрную массу.

– Что это за жуки? Какие они противные! – поморщилась Вера.

Теперь ей было странно, что эти жирные жуки с блестящими чёрными спинками могли ей сначала понравиться.

– Не знаю, как они называются. На плавунцов они, правда, немного похожи. Эти жуки всё живое сожрали в озерце. Даже водорослей не осталось. Однажды я тоже собралась испить воду из этого озерца. Хорошо, бабушка Вельмата меня тогда остановила. Она меня с собой на этот остров брала, когда я маленькая была. Тогда она с собой тряпку взяла и в озерцо её бросила. Жуки от той тряпки ни клочка не оставили. В другой раз я уже одна мимо этого озерца проходила, и тогда довелось мне увидеть, что случилось со стаей перелётных гусей, которые решили отдохнуть на этом озерце. Только сели гуси на воду, как от них перья во все стороны полетели. Загоготали гуси, замахали крыльями, чтобы стряхнуть с себя противных жуков, да только те их уже плотно облепили и не позволили птицам взлететь. Эти чёрные жуки даже перья сожрали. Ничего от гусей не осталось, – рассказала Вириная. – Думаю, они и платок распотрошили, оттого что запах живой плоти почуяли.

– А жуки на берег не выберутся? – забеспокоилась Вера.

– На сушу эти жуки не выбирают. Хорошо, что озеро находится в низине, а не то во время половодья эти жуки могли бы и в Круглое озеро попасть.

Собравшиеся возле берега жуки стали издавать скрежещущие звуки.

– Скорее пойдём отсюда! Мне расхотелось пить, – призналась Вера.

Девушки отошли от берега, и хищные жуки тут же скрылись на дне среди камней. Когда подружки удалились от озерца, Вера успокоилась и поинтересовалась:

– Станных крылатых змеек и гадких жуков я уже видела. А другие чудеса на этом острове есть? Скажи, что это за блуждающие синие огоньки, которые я однажды издалека увидела над островом? – спросила Вера.

– Не знаю, – призналась Вириная. – Я не раз видела эти огоньки. Так ведь и на Лешачьем болоте порой горят зелёные огоньки. Подойдёшь поближе, а это гнилушки светятся.

– На болоте огоньки светятся зелёным светом, а тут – синие.

– Какая разница, какого цвета эти огоньки? – пожала плечами Вириная.

– А почему они летают?

– Откуда мне знать? Огоньки меня не волнуют.

– Смелая ты! – с восхищением произнесла Вера. – Ничего не боишься, коли одна столько раз бродила по этому заколдованному острову. Мне понятно, отчего ты такая смелая – ведь за тобой Вельмата стоит со своим колдовством.

– С помощью колдовства не всего можно избежать, – грустно сказала Вириная.

– Смотри: на небо набегали тучи. Вдруг дождь начнётся? – забеспокоилась Вера.

– Надеюсь, мы успеем вернуться домой до дождя. В крайнем случае, в Комаровке укроемся, – успокоила её Вириная.

Заговорившись, Вера зацепилась ногой за корень и упала, едва не выронив из рук корзину. В небольшом овражке, среди густых листьев папоротника, она заметила человеческий череп. Вера встала и позвала подругу:

– Вириная, иди сюда! Взгляни: в папоротниках, лежит череп!

Вириная спустилась в овражек и, раздвинув ногой листья папоротника, сказала:

– Здесь не только череп, а целый скелет лежит. Одежка на нём почти истлела. Помер, видать, человек давным-давно. А отчего ты побледнела?

– Немного не по себе стало, – призналась Вера.

– Ничего особенного. В любом глухом лесу можно на скелет наткнуться. Ну, не похоронили этого человека. Так ведь некому было.

– А из-за чего он умер?

– Может, моя бабушка Вельмата и поведала бы тебе о последних мгновениях жизни этого незнакомца, а я не знаю, – развела руками Виринея.

– Пойдём скорее к лодке! – сказала Вера. – Как быстро тучи небо затянули!

– Всё-таки, дождь будет, – нахмурившись, сказала Виринея.

– А до лодки ещё далеко?

– Не близко, – сказала Виринея и быстрым шагом пошла дальше.

Впереди, за деревьями, показался просвет.

– Кажется, лес закончился, – обрадовалась Вера. – Скоро выйдем на берег?

– До берега нам ещё топтать и топтать, – сказала Виринея.

Они вышли из березняка и оказались перед поросшим низкорослым кустарником холмом, у подножия которого начиналась тропа, выложенная с двух сторон замшелыми камнями. Тропа вела к расположенному на вершине холма странному сооружению, три стены которого были сложены из крупных валунов. Сверху строения лежал большой плоский валун, опиравшийся на каменные стены.

– Иди за мной! – позвала подругу Виринея и стала подниматься по тропе на вершину холма.

Вера пошла следом за ней, с опаской поглядывая на тяжёлые чёрные тучи, нависшие над озером.

Поднявшись на холм, подруги оказались перед каменным сооружением.

– Здесь можно переждать дождь, – сказала Виринея.

– Почему тут нет четвёртой стены? – спросила Вера.

– Не знаю. Но это даже хорошо. Отсюда далеко видно. Когда небо ясное, чудная красота взору открывается! Давай, здесь отдохнём, – предложила Виринея, присаживаясь на большой гладкий камень.

Вера устроилась рядом с подругой и подозрительно посмотрела на большой плоский камень, служивший крышей сооружения.

– Не бойся. Не упадёт нам на головы этот камень. Он тут лежит с незапамятных времён. Неизвестно кто и когда построил это сооружение. На всех стенах нанесены неведомые знаки. Сюда меня бабушка приводила пару раз. Она читала заклинания, и тогда много чего я увидела над озером, – рассказала Виринея.

– Нечто страшное узрела?

– Всякое видела – и страшное, и интересное.

– А ты можешь сейчас прочитать заклинания? Ведь Вельмата тебя наверняка учила колдовать, – попросила Вера и почувствовала, как по спине побежали мурашки.

Ей было и страшно, и любопытно. Тем временем начался дождь и подул сильный ветер, заколыхавший кроны деревьев. Стало прохладно. К счастью, дождевые потоки не попадали на девушек, нашедших укрытие.

– Ладно. Попробую. Всё равно делать нечего, пока дождь идёт, – согласилась Виринея и принялась что-то шептать.

Вера смотрела вдаль, на озеро, по которому хлестали упругие дождевые струи. Неожиданно над озером, сквозь серую пелену ливня, проступила странная картина. Вера увидела две рати, сошедшие в жестоком бою. Всадники и пешие воины падали, сражённые стрелами, копьями и мечами. При этом не было слышно ни лязга оружия, ни криков раненых воинов. А потом с неба полились багряные струи. Вера вскрикнула и тут же картина над озером пропала.

– Зачем кричала? – сердито спросила Виринея.

– Жутко стало. Разве ты не видела, что сейчас над озером творилось? – спросила потрясённая Вера.

– Конечно, видела. А ещё я слышала голоса. Они говорили со мной на эрсиянском языке. Это были голоса наших предков и Богов.

– И что же они тебе сообщили?

– Грядут тяжёлые времена. Нелёгкие испытания ожидают эрсиян и витичей.

– А что это было за кровопролитное призрачное сражение, которое мы сейчас видели? – спросила Вера.

– Отсюда можно видеть прошлое или будущее. Возможно, эта битва произойдёт в будущем.

– Не хотелось бы, – вздохнув, проговорила Вера.

– А ведь дождь закончился! – сказала Виринея и вышла из укрытия.

Вера долго не вставала с камня и, глядя на озеро, вспоминала призрачную битву.

– Что смотришь? Не будет больше ничего интересного. Пора к лодке спускаться. Не забудь корзину, – сказала Виринея.

Подруги стали спускаться с холма.

– Почему с нашего берега не видно это странное строение? – спросила Вера.

– Сооружение на вершине холма издалика кажется одним большим камнем. А зимой оно укрыто снегом.

– И, всё-таки, что за синие огоньки блуждают над островом? – в очередной раз спросила Вера.

– Как же тебя раздрает любопытство! Я тебе уже сказала, что не знаю. Я могу только догадываться. Возможно, эти синие блуждающие огоньки – души предков.

– А говорила – не знаешь.

– Так это всего лишь мои догадки.

Девушки по тропе спустились с холма и, подоткнув подола, по сырой траве направились к берегу. Преодолев заросшую орешником чащобу, они вышли к месту, где должна находиться привязанная к коряге лодка, однако её не было.

– Похоже, лодка отвязалась! – сказала Виринея. – Видно, ветер унёс лодку. Сейчас ветер уже не такой сильный, а во время дождя он гнул деревья.

– Ветер хоть и утихает, а всё равно зябко! – поёжившись, сказала Вера.

– Я вижу лодку! – воскликнула Виринея, указывая на озеро. – С трудом её заметила. Её борта едва возвышаются над водой. Наверно, дождь залил лодку.

Позади девушек зашелестели кроны деревьев, и снова Вера услышала чей-то громкий вздох.

– Кажется, снова кто-то вздыхает! – оглянувшись, заволновалась Вера.

И тут из-за деревьев до девушек донёлся звук, похожий на смех. Вера отступила к воде и, с ужасом всматриваясь в чашу, тихо спросила подругу:

– Кто это так жутко смеётся?

– Может, филин? – предположила Виринея.

– Филины днём спят.

– Тогда, наверно, местный леший над нами смеётся. Может, он и отвязал лодку, – задумчиво проговорила Виринея.

– Значит, это леший смеётся? – цепенея от ужаса, проговорила Вера.

– Чего испугалась? Нашла врага – лешего! Мне бабушка Вельмата говаривала, что не столько хищных зверей или лесных, домовых или озёрных духов надо бояться, сколько злых людей.

– Откуда Вельмата знает о злых людях, если она давно живёт в одиночестве?

– Вельмата ведаёт, что люди замышляют. Знаешь, зачем отшельники уходят от людей жить в леса, да на болота? Потому что слишком много зла на свете, а чистоту своей души нелегко сохранить, проживая среди людей. Бабушка сказывала, что скоро чистых душою людей можно будет отыскать лишь в скитах в глухом лесу или в пещерах.

– Выходит, не стоит бояться леших, домовых и кикимор болотных? – спросила Вера.

– Не будешь бедокурить, ничего плохого тебе духи не сделают. И какая разница – леший лодку отвязал, или ветер её сорвал с привязи? Важно, что сейчас лодка покачивается на волнах вдали от берега, и до неё надо доплыть, чтобы вернуть. Из неё потом ещё придётся воду вычерпывать. Кстати, пока мы с тобой болтаем, лодку отнесло к тому месту, откуда мы приплыли.

– Может, до того берега вплавь доберёмся и позовём на помощь жителей Комаровки, чтобы лодку на берег вытащили? Ты умеешь плавать?

– Умею. А вот ты не боишься ли плыть по озеру?

– Чего бояться? Я хорошо плаваю, – похвастала Вера.

– Вот ведь какая ты странная! Выходит, ты только леших, домовых и кикимор боишься, а русалки и водяные тебя не пугают? – улыбнулась Вириanea.

– А ведь и верно – в озере должны быть водяные и русалки. Я об этом не подумала. – А ведь раньше я без опаски купалась в озере.

– Как легко тебя напугать! Подул ветерок, дерево скрипнуло, птица пролетела, или волна плеснула – и ты уже испугалась.

– Я постараюсь не бояться, – сказала Вера.

– Давай поплывём, – предложила Вириanea.

– А как же наши корзины? Ведь грибы трудно собирать.

– Корзины мы подальше от воды отнесём, чтобы волны их не захлестнули.

– А вдруг леший корзины заберёт?

– Нужны ему грибы да трава! Ну, хочешь, сейчас я лешего попрошу, чтобы он не шалил?

– Попроси, – кивнула Вера.

Вириanea подошла к берёзке, росшей неподалёку от берега, обхватила её руками и что-то зашептала. Берёзка зашелестела кроной. Потом наступила тишина, и ветер стих.

– Теперь, можно плыть, – сказала Вириanea и поставила корзины возле берёзки.

Она скинула платье, сложила его возле корзин, тряхнула льняными волосами и направилась к озеру. Вера тоже разделась и, вслед за Вирианею, зашла в воду.

– Как же мы без одежды, в Комаровку заявимся? – растерянно спросила Вера.

– Как доберёмся до Комаровки, в кустах схоронимся и местных баб окликнем. Попросим, чтобы они нам какую-нибудь одежду принесли.

– Свежа водица! С утра была теплее, – отметила Вера.

– Надо плыть быстро, чтобы не замёрзнуть, – посоветовала Вириanea.

Взвизгнув, девушки окунулись в воду и поплыли к далёкому берегу. Сначала они плыли рядом, а потом Вера стала отставать.

На небо снова напозла чёрная туча, закрывшая солнце. Резко стемнело. Засвистел ветер, поднялись высокие волны, и полил сильный дождь. Борясь с разбушевавшейся стихией, Вера потеряла подругу из вида. Вскоре она поняла, что плывёт на месте. Она хотела позвать Вирианею, но едва не захлебнулась из-за очередной накатившей на неё волны. Над озером засверкали молнии, загрохотал гром. Сквозь вой ветра до Веры донёсся крик. Вера узнала голос Вирианеи, но не могла понять, откуда доносится едва слышный голос её подруги. В отчаянии Вера взглянула на далёкий берег и в сумеречном свете увидела двух мужчин, вышедших на косогор.

Проводив взглядом лодку, на которой Вера и Вириanea отправились на остров, Светозар и Яромир ушли с высокого берега и вернулись в Комаровку, где перекусили кулебяками, приготовленными матерью. После обеда начался сильный дождь.

– Идёт дождь, а ведь Вера и Виринея сейчас на острове, – сказал Яромир.

– На острове, наверняка, есть, где укрыться. Виринея там часто бывает. Она найдёт убежище, – спокойно сказал Светозар и зевнул.

– Пойдём к озеру! Может, сейчас они плывут на лодке назад или уже возвратились с острова.

– Ладно, пойдём. Может, доведётся с ними свидеться, – согласился Светозар.

Когда Яромир и Светозар вышли из избы, ливень уже прекратился. Братья направились к Круглому озеру. Выйдя на крутой берег, Яромир и Светозар стали всматриваться вдаль.

– Не успел закончиться дождь, как снова тучи наползают на небо, – заметил Светозар.

– Брат, беда! – воскликнул Яромир, хватая брата за локоть. – Погляди: пустая лодка покачивается на волнах недалеко от зарослей тростника. Это их лодка,

– Неужели, утонули? – дрогнувшим голосом проговорил Светозар.

– С чего бы им тонуть? Ведь бури не было. Правда, ветер дул сильный.

– Где же они? – спросил Светозар и вдруг похлопал Яромира по плечу.

Младший брат удивлённо взглянул на него.

– Ты внимательно взгляни на остров. Они в воду заходят. Обе такие ладные – глаз не отвести! Жаль, далеко они – плохо видно, – сказал Светозар.

– Ты не очень-то засматривайся на Веру, – угрюмо проговорил Яромир.

– Да разве издали разглядишь, где Вера, а где – Виринея? Ты что же, голых девок не видал, что глаза прячешь? – засмеялся Светозар.

– Если и видал, то на твою Виринею сейчас не пялюсь.

– А я, выходит, Веру разглядываю?

– Светозар, не смотри туда! И не ржи, как жеребец.

– По-твоему, я словно жеребец ржу? Вот сейчас как двину тебе по сопатке! – пообещал Светозар и замахнулся кулаком на Яромира.

Яромир увернулся от удара и толкнул брата в грудь. Светозар снова ринулся на него. Яромир ловко отстранился и подставил ногу. Светозар упал, но рукой успел загрести Яромира за шею и повалил его. Вцепившись друг в друга, они покатались по склону к озеру. На самом берегу Светозар подмял Яромира и принялся молотить его кулаками по лицу и животу. Младшему брату удалось извернуться и треснуть кулаком Светозара по носу. Тот взвыл, и, орошая зелёную траву алой юшкой, вскочил на ноги. Яромир ногой лягнул его в живот, и Светозар плюхнулся спиной в воду.

Яромир не успокоился и, поднявшись, кинулся на уже вставшего старшего брата, который перехватил его руку и перекинул через себя. Яромир упал в холодную воду, но быстро вскочил на ноги и оказался напротив наклонившего голову и хмуро смотрящего на него Светозара. Холодная вода и подувший свежий ветер остудили горячие головы юных витичей. Светозар утёр рукавом сочившуюся из носа кровь. Яромир потрогал наливающийся синевой и опухающий правый глаз.

Высокие волны накатывали на них, едва не сбивая с ног. Небо нахмурилось и потемнело. Вода в озере стала тёмно-серой. От поднявшегося ветра им стало зябко.

– Погоди! Что это мы с тобой сцепились? – вдруг спросил удивлённо Светозар.

– Так это ты на меня полез, – прохрипел Яромир.

– Ты меня разозлил.

– А ты не пялься на Веру!

– А отсюда видно, кто из них Вера? – ухмыльнулся Светозар

– Вот заладил одно и то же! А коли не можешь углядеть Виринею, так на обеих нечего тарашиться.

– Ну что, по новой начнём? – потирая правый кулак, хмуро спросил Светозар.

Тут Яромир вспомнил, что совсем недавно он сам видел Веру, когда она купалась в озере, и ему стало неловко.

– Ты, брат, прости! – попросил Яромир.

– Да ладно. Ты тоже прости. Я погорячился, – сказал Светозар.

– Что это мы в воде стоим? Холодно ведь!

– И, правда, гляди – какие поднялись волны – до плеч окатывают! Похоже, начинается буря.

– Сейчас начнётся гроза. Перун разгневался.

– А где Виринея и Вера? Они же сейчас по озеру плывут далеко от берега.

– Давай поднимемся на косогор! Оттуда увидим, где они сейчас, – выбегая на берег, крикнул Яромир. Холод пронзал его колючими иглами. Ледяной ветер продувал насквозь промокшие рубаху и штаны. Упругие струи дождя хлестали его по лицу.

Братья поднялись на косогор и оттуда пытались рассмотреть, что происходит на озере. Среди тёмных волн они никого не увидели. Светозар заметил только лодку, которую ветер пригнал к зарослям тростника.

– Скорее к лодке! – закричал Светозар.

– Я вижу их обеих! – в тот же миг воскликнул Яромир. – Они на полпути до берега!

Они подбежали к лодке.

– В этой посудине полно воды. Надо её опрокинуть! – предложил Светозар.

Они с трудом выволокли лодку на мелководье и, ухватившись за борт, накренили лодку. Им удалось вылить почти всю воду. Затем они столкнули лодку в воду и забрались в неё. Яромир достал из-под сидений вёсла и принялся грести.

Ветер стал стихать. Волны бились о борта лодки, но не захлёстывали её. Серебристые молнии, сопровождаемые громовыми раскатами, разрезали чёрное небо и освещали озеро и остров.

– Греби сильнее! Почти на месте стоим! – прокричал Светозар.

Яромир старался изо всех сил, но лодка слишком медленно продвигалась по бушующему озеру. Тем временем ветер сменился.

– Туда плыви! – закричал Светозар, указывая брату на девушку, которая, то уходила с головой под воду, то вновь выплывала из пучины.

Яромир налёг на вёсла. Увидев лодку, девушка устремилась к ней.

– Помогите! – крикнула девушка.

– Это Виринея! – узнал её Светозар.

Лодка приблизилась к ней. Светозар протянул Виринею руку. Она ухватилась за руку юноши, и тот помог ей забраться в лодку. Эрсиянка тряслась от холода. Светозар скинул рубаху и помог Виринею её надеть. Однако она не перестала дрожать – рубаха была насквозь мокрой.

– Где Вера? – спросил Яромир.

– Я потеряла её из виду, – ответила Виринея.

– Вера! – глядя на тёмное озеро, позвал любимую Яромир.

И тут он увидел её среди волн. Последние силы уже оставляли девушку, когда она услышала, как её кто-то зовёт. Она повернула голову и увидела лодку, в которой сидели люди. У неё уже не были сил ни плыть, ни кричать, однако она смогла поднять над водой руку.

Когда лодка подплыла к тонущей девушке, Яромир перестал грести и, перегнувшись через борт, подхватил обессиленную Веру и втащил её в лодку.

По примеру брата Яромир снял с себя рубаху и накинул её на плечи Веры. Виринея села на дно лодки между сиденьями, а Вера расположилась позади Яромира.

– Вы поглядите, что творится! – вскричал Светозар, указывая рукой на тёмную воронку, появившуюся над озером.

По озеру пронёсся вихрь, с угрожающим гулом он налетел на утлую лодку, закружил, завертел её и поднял в воздух. Яромир обернулся и крепко прижал к себе Веру. Виринея прильнула к Светозару. Яромир почувствовал, что задыхается. Ему не хватало воздуха. Над головой сверкали молнии. Вой ветра и раскаты грома слились в единый рёв стихии.

И вдруг всё разом стихло. Пронизывающий ветер стих. Лодка плюхнулась в воду. Сумеречный свет сменился серым туманом. Вдалеке сверкнули молнии, и прогрохотал гром.

– Что это было? – прошептала Вера.

– Вихрь поднял нас вместе с лодкой, а потом опустил на воду, – сказал Яромир.

Серый туман постепенно рассеялся, стали видны деревья, крупные камни, лежавшие на берегу, усеянном водорослями и сломанными сучьями. Сквозь туман пробились лучи солнца.

– Мы рядом с берегом! – обрадовалась Виринея.

Она выбралась из лодки и по мелководью направилась к берегу. За ней последовала Вера и юноши, которые подтащили лодку к берегу.

– Спасибо, что спасли нас от верной гибели, – выйдя на берег, Вера поблагодарила братьев.

– Спасибо, витичи! – поклонившись юношам, сказала Виринея.

– Да чего уж там, – смутился Светозар.

– Где мы очутились? – спросила Вера.

– А ведь мы снова попали на остров. Я узнала это место, – сказала Виринея. – Неподалёку отсюда мы оставили наши вещи. Вера, давай наденем свою одежду и возьмём корзины.

– Наверняка наши вещи разметала буря, – предположила Вера.

– Сейчас увидим, что с ними случилось, – сказала Виринея и попросила юношей:

– Оставайтесь здесь. Мы скоро вернёмся.

Светозар и Яромир проводили взглядом девушек, облачённых в мокрые длинные рубахи.

– А ведь мы вовремя к ним на выручку подросли, – сказал Яромир. – Как думаешь, случайно нас вихрь забросил на заколдованный остров или тут не обошлось без участия озёрных духов?

– Не знаю. Только о таких вихрях, которые лодки по воздуху переносят, я не слыхивал, – развёл руками Светозар.

Юноши сели на прибрежный песок и стали греться под лучами выглянувшего из-за туч солнца. Вскоре девушки возвратились. Вера переделалась в свой промокший сарафан, а Виринея надела влажное платье. В руках они несли корзины и мокрые рубахи.

– Мы переоделись. Возвращаем вам рубахи, – сказала Вера.

– Все вещи отыскали? – поинтересовался Яромир, надевая рубаху.

– Всё было на месте. Только корзина с грибами опрокинулась. Пришлось их собирать, – рассказала Вера.

– Видно, в том месте не было сильного ветра. Не зря я просила лешего – он сохранил наши вещи, – сказала Виринея.

– Присаживайтесь на песок, – предложил девушкам Светозар. – Под жарким солнцем одежда быстро просохнет.

Под тёплыми солнечными лучами всех разморило. Освещённый ярким солнцем остров теперь не казался Вере страшным. Юноши и девушки долго сидели, глядя на безмятежное озеро, пока раскалённое солнце не стало клониться к закату.

– Пора возвращаться, – сказала Виринея. – Мне ведь не только на тот берег надо перебраться, а ещё до Омшани через лес идти.

– Я провожу тебя, – вызвался Светозар.

– Зачем? Не маленькая. Сама доберусь. У меня нож есть – на дне корзины лежит.

– Не со всяким зверем с ножом можно сладить.

– У меня оберег есть. Думаешь, только витичи с оберегами ходят? – спросила Виринея.

– Лучше переночуй у нас, в Комаровке, – предложил ей Светозар. – Завтра возле Комаровки будет праздник Купалы. Вместе на него пойдём.

– Дядя Уштай станет переживать. Да и зачем мне на идти ваш праздник? Что я буду одна среди витичей делать? – спросила Виринея.

– Так ведь не ты одна придёшь на Купалу из Омшани. Наверняка ваш Москай будет у нас на празднике. Он теперь без нашей сестрицы Мирославы дня прожить не может. Приходи! – попросил Светозар.

– Виринея, слушай Светозара! Он дело говорит. Переночуешь у нас в избе, а потом вместе пойдём на праздник. А после Купалы мы к вам в Омшань на ваш праздник пожалуем. И ты, Вера, оставайся на ночь у нас в Комаровке. Уже поздно возвращаться в Берёзовку, – предложил Яромир.

– Мать станет волноваться, – покачала головой Вера. – Хотя она и уговаривала меня затемно домой не возвращаться, а в вашей деревне заночевать.

– Мать слушать надо, – сказал Яромир. – Завтра утром я тебя до Берёзовки провожу, а после обеда снова за тобой зайду, чтобы отвести на праздник Купалы.

– Что-то вы все разговорились, а, между тем, скоро совсем стемнеет. Засиделись мы, – недовольно сказала Виринея. – Пора плыть назад. Погода разгулялась. Вряд ли снова налетит буря.

Юноши оттолкнули лодку от берега. Светозар сел на весла и стал грести. У его ног устроилась Виринея. Яромир сел напротив гребца, и посадил Веру себе на колени. Когда они были на середине озера, сгустились сумерки, а вскоре на небе зажглись звёзды. Яромир взглянул на звёздное небо, и у него закружилась голова. Он вышел из полузабытья только после возгласа Светозара:

– Оглянитесь на остров! Там над деревьями летают синие огоньки.

Во тьме были хорошо видны метавшиеся над островом яркие синие огоньки. Яромир подумал, что это сорвавшиеся с неба звёзды, которые никак не могут вернуться на положенное место. Правда, синие огоньки были более яркими, чем звёзды.

– Это души предков порхают над островом, – прошептала Вера.

– Хорошо, что мы не остались на ночь на этом заколдованном острове, – сказал Яромир.

– Если бы ты знал, сколько всего необычного можно увидеть на этом острове! – проговорила Вера.

– А мне интересно знать, что ты за девушка такая загадочная, Виринея, если твоим именем назвали остров, на который не всякий взрослый мужик отважится ступить? – спросил Светозар.

– Я никого не просила называть остров моим именем, – сухо ответила Виринея.

Лодка уткнулась носом в берег. Юноши и девушки выбрались из неё.

– Отведите лодку в заросли тростника и переверните её, – попросила парней Виринея.

– А ты сама лодку переворачиваешь, когда на ней на остров отправляешься? – удивился Светозар.

– Сама. Только я шестом её опрокидываю, – сказала Виринея. – Когда на дне лодки нет воды, это не так трудно сделать.

Светозар и Яромир выполнили просьбу эрсиянки, а потом юноши и девушки поднялись на косогор, с которого ещё раз посмотрели на остров, над которым продолжали метаться синие огоньки.

– Наверно, мы потревожили чьи-то души, – с сожалением произнесла Виринея.

– Пойдёмте скорее домой, а то хочется есть. Наверняка, у нас с обеда кулебяки остались, – сказал Светозар.

Они пошли по полю в сторону деревни, ориентируясь на тусклые жёлтые огоньки, горевшие в окнах – кое-где хозяева зажгли лучины и свечи. Вскоре послышался лай брехливых собак.

– Вот мы и дома! – обрадовался Светозар.

Глава 4. В плену у Леля

В избе Добряна и Переславы свет не горел.

– Наверно, у нас все спит, – предположил Яромир.

– Надо будет незаметно пройти в избу, – решил Светозар.

– Главное, домашних не разбудить, – сказал Яромир.

– Девчата, подождите нас возле крыльца! Мы осторожно заглянем в избу и разузнаем что там, да как, – сказал Светозар.

Братья поднялись на крыльцо и зашли в избу. Яромир в сенях зацепил ногой ведро с водой и едва не опрокинул его. Услышав грохот, Добрян и Переслава проснулись.

– Явились, наконец? – недовольно проворчал отец. – Где были?

Добрян зажёл свечу и внимательно посмотрел на сыновей.

– Ходили по лесу, силки проверяли. Правда, ни зайцы, ни белки что-то не попались, – сказал Светозар.

– Выходит, зайцы и белочки не попались. А кто тогда попался? – спросил Добрян. – Кто это возле крыльца шепчется? Уж не девки ли?

– Так мы это... Встретили их тут. В поле. Ну, когда мы с Яромиром из леса вышли и к озеру направились, – стал путаться Светозар.

– А отчего одежда на вас сухая? Гроза-то какая бушевала! – подозрительно спросил Добрян.

– Под дождь мы попали, да только потом наша одежда на солнце просохла, – признался Светозар.

– Далеко, выходит, забрели, коль от грозы в доме не стали укрываться? – усмехнулся Добрян.

– Что же ты, Добрян, сыновьям допрос устроил? Они, поди, устали и проголодались, – забеспокоилась Переслава.

– Что ж, мать, покорми этих бездельников, – сказал Добрян и обратился к сыновьям:

– Что стоите? Зовите в дом ваших белочек. Не оставаться же им ночью на улице. Наверняка, не из нашей деревни девчата?

– Зовите ваших зазноб. А я их кулебяками и молоком угощу, – засуетилась мать. – Добрян, зажги ещё пару свечей!

– Нечего свечи тратить попусту, – буркнул хозяин. – Завтра их подружек разглядишь.

– Так гостей всё же надо усадить за стол, – сказала Переслава.

– Гости за стол усадим. Дашь всем по кулебяке и кружке молока, а потом девчата спать на скамьях лягут. А Светозар с Яромиром пусть в сенях на сене ночуют, – распорядился Добрян.

– Так я позову Веру и Виринею? – обрадовался Яромир.

– Зови, – кивнул Добрян.

Яромир пригласил девушек, и они зашли в избу, поставили в углу корзины и поклонились в пояс хозяину и хозяйке.

– Здравствуйте! – сказала Вера.

– Шумбрат! – произнесла Виринея.

– Так ты та самая Виринея из Омшани? – спросила Переслава.

– Почему я – «та самая»? – удивилась юная эрсиянка.

– Ты внучка колдуньи Вельматы? – подозрительно посмотрев на Виринею, спросила Переслава.

– Внучка, – ответила Виринея, так пристально взглянув на хозяйку, что та отвела взгляд.

– Хватит расспрашивать гостей, – осадил Переславу Добрян. – Проходите все за стол. Время позднее, засиживаться не будем. Поедите и – спать! Только тише разговаривайте, а не

то Мирославу разбудите. Она за печкой спит. Да и вам следует хорошенько выспаться. Завтра будет большой праздник.

После ужина Вера и Вириная почистили грибы, собранные на острове, и Переслава положила их сушиться на печь. Вириная сказала, что сушёные грибы она потом отнесёт своей бабушке Вельмате. Вера попросила Яромира завтра проводить её до Берёзовки. Она решила отнести домой собранные травы, а потом вернуться в Комаровку на праздник Купалы. Затем братья и их юные гости легли спать и проспали до полудня.

Мирослава проснулась рано. Она увидела спавших девушек и, подойдя сначала к Вере, а затем к Виринае, рассмотрела их, пожалала плечами и пренебрежительно хмыкнула. Спящие девушки были не такие красивые, как Мирослава. Она была в этом уверена – ведь она часто смотрелась в медное зеркальце, которое ей подарил отец. Мирослава, по её собственному мнению, была первой девушкой в своей деревне. Да и в Берёзовке, и в Омшани, как она считала, все парни были в неё влюблены. А вот ей самой никто из юношей не нравился, кроме омшанского пастуха Моская. По душе ей пришёлся юный Москай, который умел, подражая птичьим трелям, красиво играть на свирели. Мирослава вспомнила, что сегодня будет праздник. Хоть и позвала Мирослава Моская на Купалу, но переживала, что он может забыть про её приглашение, и не придёт на праздник витичей. Ведь эрсияне – и те, которые живут в Омшани, и жители Эрсиянь-града отмечают свои праздники. Мирослава же после Купалы решила обязательно отправиться в Омшань на праздник Тундонь Ильтямо – проводы весны и на Раскень Озск – моление эрсиян в середине лета. Да и Светозар с Яромиром наверняка пойдут на эти праздники в Омшань. Ведь сам прявт Уштай их приглашал. Впрочем, Светозар и без приглашения часто ходил в Омшань, чтобы повидать Виринаю.

Мирослава вышла из избы. Отец и мать уже встали. Переслава подоила корову, а отец задал овса лошадям. Мирослава незаметно, чтобы ей не поручили какую-нибудь работу по хозяйству, вышла за калитку. Сегодня Мирославе совсем не хотелось работать. Каждый год в этот день с утра все девушки принаряжались. Ближе к вечеру девушки наденут красные сарафаны и направятся на берег озера. Там их будут поджидать парни в праздничных розовых и синих рубахах и в белых штанах. Вечером они разожгут большой костёр, а потом станут купаться в озере и прыгать через огонь. Взрослые жители Комаровки и Берёзовки будут вплетать цветы в гривы лошадям и купать их в озере. Мирославе не терпелось сплести венок из полевых цветов, чтобы, как только наступят сумерки, пустить по речке венок с установленной на него горящей свечой или лучиной. Что-то посулит ей это гадание? А в ночь на Купалу ей, вместе с остальными девушками, будет позволено раздеться и, не стесняясь молодых парней, прыгать через пылающий костёр и купаться в озере.

Мирослава направилась за деревню в поле, где, среди некошеной травы, цвели ромашки и колокольчики. Две её подруги – Предслава и Млада уже собирали цветы. Они встретили Мирославу звонким смехом и, взяв её за руки, побежали по полю. Когда они вприпрыжку бежали по сырой росистой траве, Мирославе захотелось вспорхнуть и, словно птице, подняться в синее небо. Как же вольготно было у неё на душе!

И вдруг девушки, бежавшие вприпрыжку по полю, остановились, услышав дивные трели – неподалёку заиграла свирель. На таких дудках омшанские эрсияне играли лучше витичей, а среди эрсиян никто не мог превзойти юного Моская. Мирослава осмотрелась по сторонам, ища взглядом Моская, но того нигде не было. Дивные звуки, казалось, звучали со всех сторон.

– Свирель играет на опушке, – прислушавшись, определила Предслава.

– Трель доносится от речки, – сказала Млада.

– Не наш дудочник играет. У нас так здорово никто не умеет, – заметила Предслава.

– Слыхала я, что в Омшани есть такой пастух – Москай, – вспомнила Млада. – Сказывают, добрый и красивый парень. Вот такого бы себе нагадать!

– Что выдумала! Да у Моская своих девчат в Омшани полно, – со вздохом, произнесла Предслава.

У Мирославы зашло сердце. Ведь это её Моская так жарко желают все деревенские девушки! Но уверена она, что именно к ней, Мирославе, равнодушен этот юный стройный зеленоглазый эрсиянин с кудрявыми льняными волосами.

– Давайте поищем дудочника! – предложила Мирослава, надеясь отыскать Моская.

Она была уверена, что именно он сейчас развлекает девушек. И делает он это из-за неё. Наверно, Москай оставил стадо на попечение своего помощника, а сам пришёл сюда, вспомнив про предстоящий праздник. Не забыл, выходит, Москай про её приглашение. Резво побежала Мирослава к речке впереди подруг. Однако возле речки она никого не увидела. Подруги нагнали Мирославу и вместе с ней спустились в овраг, однако среди увитых хмелем деревьев ольхи они никого не обнаружили.

А чудные звуки продолжали литься, казалось, отовсюду. Девушки растерянно переглянулись. Позабыли они уже про полевые цветы для венков, позабыли, ради чего вышли в поле. Все мысли их теперь были о том парне, который тешит их трелями.

– Говорю вам: на опушке свирель играет, – сказала Предслава.

– Нет, всё-таки, и не на опушке дудочник играет, и не у речки, а далеко в поле. Издалека трели доносятся. Видно, сидит он среди густой травы, – решила Млада.

– Прячется от нас шутник! – воскликнула Предслава.

Девушки выбрались из оврага и растерянно посмотрели по сторонам, однако определить, откуда доносятся звуки, не смогли.

– Давайте поделимся, – предложила Предслава. – Ты, Млада, поищи дудочника в высокой траве на поле, я направлюсь к березняку, а ты, Мирослава, ступай к ельнику. Как отыщем баловника, так друг друга и кликнем.

Так подруги и поступили. Направилась по полю Млада, Предслава пошла к березняку, а Мирослава побежала к ельнику. Чем ближе она подбегала к опушке, тем громче становились трели. Мирослава подивилась, как может Москай играть так долго, не прерываясь? Но размышлять ей было некогда. Не могла она допустить, чтобы Моская первой обнаружила одна из её подруг.

Возле опушки она остановилась и замерла. Из-под лап могучей ели доносились чарующие звуки. Мирослава стала осторожно подкрадываться к ёлке. Она не сомневалась, что именно здесь играет Москай на своей чудесной свирели.

– Москай! – приподнимая тяжёлую еловую лапу, крикнула Мирослава.

Чарующие звуки резко оборвались. Свирель смолкла. Мирослава заглянула под еловую лапу и обомлела от ужаса. Она понимала, что отсюда надо как можно быстрее бежать, но ноги её не слушались. Она так перепугалась, что не могла сдвинуться с места. Да и как было не испугаться, когда на неё смотрел вовсе не Москай, а лесное чудовище, от которого разлило псиной. Мохнатый урод глядел на неё, вытаращив свои страшные красные глазища и скалился, обнажая большие жёлтые клыки.

«Леший! – догадалась Мирослава. – Вот он какой!»

Лесной житель сидел на земле, прислонившись к стволу ели. Он сидел, совсем, как человек. Леший весь оброс длинной чёрной шерстью или волосами. На его заросшем лице ничего было нельзя разобрать, кроме огромных красных глазищ и приплюснутого носа. А какие большие мохнатые лапищи были у этого лесного чудовища! И на медведя этот леший был похож, и на большого, покрытого шерстью, человека. Поросшие шерстью широкие пальцы лешего, заканчивались длинными загнутыми когтями. В правой лапище косматого чудовища Мирослава увидела свирель. Она узнала эту свирель – точно такая же была у Моская. И никто не мог так здорово играть на свирели, как Москай.

«Это не леший, а оборотень! – догадалась Мирослава и похолодела от ужаса. – Выходит, Москай – оборотень!»

Страшный оборотень отбросил в сторону свирель и поднялся с земли. Ростом он был чуть выше Мирославы. Девушка хотела закричать, но её язык – словно прирос к нёбу.

Зато оборотень не стал молчать, а громко произнёс:

– Ух!

Тут оборотень схватил её своими лапищами, взвалил к себе на плечо и ломанулся в лес. Ветви хлестали Мирославу, замелькали перед её глазами ветки, кусты и деревья, а оборотень нёсся по чаще, сквозь густой кустарник, перепрыгивая через замшелые брёвна и ломая мелкие деревца. Мирослава зажмурилась. Оборотень резко остановился и положил девушку на землю.

Приоткрыла Мирослава глаза, и ужас сковал её – красноглазый косматый оборотень глядел на неё жутко, не мигая. Она не могла пошевелить ни рукой, ни ногой, когда к её лицу стала приближаться чёрная лохматая морда. И тут она заметила любопытство в глазах чудища, которое возле неё на коленях стояло и скалилось. Оборотень её, словно куклу, перевернул и по спине похлопал лапищей, да ещё довольно ухнул! Решила Мирослава, что оборотень решил с ней позабавиться, прежде чем сожрать.

И тут раздался громкий треск ломаемых сучьев и грозный рык, повторившийся трижды. Мирослава повернула голову и взглянула в сторону, откуда слышались жуткие звуки. И тут ей стало ещё страшнее, когда она увидела огромную мохнатую чёрную бабу, которая была намного выше и крепче оборотня, затащившего Мирославу в чашу. А то, что второй оборотень был бабой, Мирослава сразу поняла, потому как заметила, что под волосами у чудища виднелись большие груди.

– А-а-ах! Аргиме бухрай! – громко прокричала косматая красноглазая баба-оборотень.

Она отвесила пару затрепанных по затылку оборотня-Москай так, что у того замоталась голова. Потом она схватила его за загривок своей лапищей и отшвырнула в сторону.

– Ай! – совсем как человек, прокричал меньшей оборотень, барахтаясь в зарослях колючей ежевики.

– Гутаре жорм! – сказала косматая баба и, совсем как человек, погрозила кулаком малому оборотню.

Мирослава поняла, что оборотни разговаривают между собой на незнакомом языке. А ещё она догадалась, что эти чудища – мать и сын. Мать поколотила и ругает сына за то, что тот принёс в лес Мирославу.

«Значит, у оборотней тоже бывают матери», – подумала Мирослава и стала вспоминать Люкшаву – мать Москай, которую она не раз видела в Омшани. Невысокая и худая Люкшава была совсем не похожа на эту косматую красноглазую бабищу.

«Наверно у оборотней всё наоборот бывает, когда они принимают звериный облик», – про себя решила Мирослава.

– Етерхе ирм, – произнёс оборотень-Москай, выбираясь из зарослей ежевики и почесывая свой лохматый зад.

– Аргиме ирм! – с угрозой в голосе рявкнула косматая лесная баба.

Мирослава села на траву и, вся дрожа, смотрела на жутких оборотней. Неподалёку, под корнями вывороченной из земли ели, она увидела огромную нору, в которой, видимо, те жили. Увидев, что чудища её, по крайней мере, в ближайшее время, не собираются есть, Мирослава осмелела и попросила:

– Отпустите меня!

Косматая баба уставилась на неё, вытаращив красные глазища. У Мирославы снова онемели ноги. Понимала она, что надо бежать, а не сидеть, да только не могла пошевелиться. Да и как убежишь, если её даже оборотень-Москай легко догонит, а не то, что его мать, у которой один шаг, как три человеческих.

Насмотревшись на девушку, косматая баба потеряла к ней интерес и отвернулась в сторону, а оборотень-Москай, почёсывая спину, полез в нору.

Мирослава, наконец, успокоилась, увидев, что мать оборотня-Моская вовсе не собирается её есть, а принялась когтями сдирать кору с молодой осины и жевать её. Девушка встала и начала потихоньку отходить от норы оборотней, стараясь бесшумно ступать по еловой подстилке. Пройдя несколько шагов на цыпочках, Мирослава затем сорвалась с места и опрומетью побежала прочь. Сначала она бежала, не разбирая дороги, а затем остановилась и осмотрелась. Она оказалась в незнакомой местности. Вокруг росли тёмные ели и кривые осины. Мирослава поняла, что заблудилась в дремучем лесу. В такой глухомани легко можно было стать жертвой хищных зверей или умереть от страха, встретившись с лешим. Теперь к этим неприятностям добавились жуткие оборотни. Правда, отец рассказывал о больших косматых лесных людях. Однако Добрян говорил, что живут те люди в далёких краях. Значит, Мирослава сегодня столкнулась не с лесными людьми, а именно с оборотнями. Да и не в простой день состоялась эта встреча. Старики сказывали, что накануне праздника Купалы всякая нечисть выходит из лесов, болот и водоёмов поближе к человеческому жилью. В ночь на Купалу много необычного происходит. Например, в глухом лесу, говорят, папоротник зацветает.

«Кстати! – стала размышлять Мирослава, вспомнив о цветке папоротника. – Никто из жителей окрестных деревень и городов цветков папоротника так и не нашёл даже в ночь на Купалу. Иначе об этом бы все знали. Хотя... Ну, кто расскажет, что нашёл и сорвал цветок папоротника. Ведь кто цветок папоротника отыщет, тому клады откроются. А про клады только дурак станет всем рассказывать. А ведь, сказывают, некоторые люди, ни с того, ни с сего, богатели. Так ведь это оттого, что они цветок заветный нашли. Выходит, и вправду расцветает папоротник в ночь на Купалу! Вот и в нынешнюю ночь может зацвести папоротник, особенно в лесной глухомани!»

Мирослава попала именно в такую лесную глушь. Она стала всматриваться в росшие вокруг папоротники – нет ли на каком-нибудь из этих растений бутона, который этой ночью распустится? Однако бутонов на папоротниках она не увидела. Девушка прошла ещё немного и под ногами захлюпала вода. Увидев впереди кочки и лужи с тёмной водой и ряской на поверхности, Мирослава поняла, что впереди лежало болото. Она решила обойти топь, потому что страшилась пойти назад и снова очутиться рядом с оборотнями.

Девушка пошла краем болота. Солнце поднялось высоко, и в лесу стало жарко. От духоты у Мирославы закружилась голова, и она присела на поросшее мхом бревно. Она устала, и её стало клонить ко сну. Девушка некоторое время боролась со сном, но дремота одолела её, и она, покачнувшись, свалилась с бревна на мягкий мох. Но даже падение не прервало её сон.

Мирослава проснулась, услышав над собой скрипучий голос. Она почувствовала, как кто-то трясёт её за плечо. Девушка приоткрыла глаза и увидела над собой морщинистое лицо старушки со всклокоченными седыми волосами. Мирослава приподняла голову и увидела одетую в лохмотья худую сторбленную старуху, опиравшуюся на кривую палку. Голова у девушки кружилась. Она некоторое время не могла вспомнить, что с ней случилось. Однако вскоре к ней вернулась память. Мирослава вспомнила про оборотня-Москаю, утащившего её в дремучий лес, и про его страшную, но её справедливую мамашу. Девушка попыталась понять, на кого была похожа склонившаяся над ней старуха. Лицо у старухи было землистого цвета и испещрено глубокими морщинами, седые волосы растрёпаны. Одежда на ней была рваная и линялая, а лапти перепачканы грязью, тиной и болотной ряской. Словно из болота выбралась эта старуха да ещё скрипучим неприятным голоском хохотнула. И тут по спине Мирославы пробежали мурашки.

«Так это же кикимора болотная!» – догадалась она.

Измученная недавними переживаниями, Мирослава испытывала неимоверный страх. Не в силах закричать, она пискнула, словно придавленная мышь.

– Тейтерь! Тейтерь! – произнесла кикимора и протянула ей руку.

«Разговаривает она на языке эрсиян. Может, старуха и не кикимора вовсе, а из Омшани забрела на это болото?» – подумала Мирослава.

– Далеко ли отсюда Омшань? Я заблудилась, – проговорила Мирослава, с помощью старухи поднявшись с земли.

– Витичанка? Откуда пришла, красавица – из Комаровки или Берёзовки? – спросила её старуха хриплым голосом.

– Из Комаровки. Меня Мирославой звать. А вы, случайно не болотная кикимора? – напрямую спросила Мирослава.

Старуха хрипло засмеялась и сказала:

– Нет. Я не кикимора. Хотя, видно, стала я похожа на старую кикимору, – огорчённо махнула рукой бабка. – Я Вельмата. Может, слышала про меня?

Девушка испуганно посмотрела на старуху. Мать Мирославы всегда побаивалась колдунов и колдуний. И Светозара мать всегда отговаривала от походов в Омшань. Знала Переслава, что её сыну Светозару нравится внучка старой колдуньи – Виринея. Надо же, как получилось – ей сама старая Вельмата в глухом лесу встретилась и даже руку ей протянула! Не к добру это. Плохо сегодня день начался – то оборотень на неё набросился, а теперь встретилась старая горбатая колдунья, опирающаяся на кривую палку.

– Отчего испугалась меня, внученька? – огорчённо спросила колдунья.

«Вот уже внучкой колдунья меня стала называть. Пропала я!» – ещё больше испугалась Мирослава и осторожно сказала:

– Всякое сказывают про вас, бабушка Вельмата.

– И зачем только матери в Комаровке пугают своих детишек? – огорчённо произнесла старуха. – Разве я когда-нибудь кому причинила зло? Всю жизнь я людей лечила, да защищала их от злых чар. Вот не станет меня, плохо людям будет. Боюсь, не справится моя Виринея. Молода она ещё, неопытна. Если бы плохие времена не наступили, тогда смогла бы Виринея одолеть злую силу.

– Не пойму я ничего, что вы говорите, – пробормотала Мирослава.

– Не понимаешь ты ничего оттого, что голова у тебя в дурмане. Уходить с этого места надо. Ты ведь едва не заснула вечным сном. В этом месте на болоте дурман-трава растёт. Вот ты и надышалась. А ещё жарко стало. Вот ты и задремала. А сейчас уже прохладно становится. Облачка набежали на небо. Вечер близится.

– Надо же! А я ведь ещё венок из цветов не сплела! – воскликнула Мирослава.

– А ведь у вас, у витичей, сегодня праздник. Если тебе не помочь, ты можешь на него не успеть. Пойдём скорее отсюда, пока нас с тобой вечный сон не сморил. Я тебе отсюда дорогу до Омшани покажу, – пообещала Вельмата.

– До Омшани? А до Комаровки мне отсюда никак не выйти?

– Далековато ты ушла от Комаровки. Туда теперь только через Омшань, по тропе, сможешь добраться. Да и я сюда случайно забрела – собирала нужную траву.

– А цветок папоротника вы не искали?

– Нет. Не искала. Я цветущий папоротник никогда не видела, хотя давно в лесной глуши живу. Ладно. Пора отсюда выбираться, – сказала старушка и повела за собой Мирославу.

По пути Вельмата поинтересовалась:

– А как ты здесь очутилась?

– Меня оборотень унёс в лес.

– Да ну! Так уж и оборотень тебя унёс! – усмехнулась колдунья.

– Самый настоящий оборотень. Мохнатый, весь зарос чёрной шерстью, и глазища у него красные. А ещё он на свирели играл.

– Разве оборотни на свирелях играют?

– Так ведь этот оборотень и есть Москай! – всхлипнула Мирослава.

Удивлённо посмотрев на юную витичанку, Вельмата сказала:

– Быть такого не может.

– Оборотень на свирели играл так душевно, как только Москай умеет, – сказала Мирослава.

– Вижу, люб тебе Москай.

– Был люб. А после того, как я Мроская увидела в таком страшном обличье, страшусь его. Если бы не его мать, неизвестно что он со мной сделал бы.

– А у оборотня и мать есть?

– Есть. Она тоже вся чёрной шерстью заросла, огромная!

– Знаешь, тейтерь, мне эти оборотни напоминают диких лесных людей. Слышала я о них от своей матери. Раньше они обитали в глухих далёких безлюдных лесах, а теперь, выходит, семья лесных людей в наши края пришла жить. Зря они к людям поближе переселились. Ничего им хорошего от этого не будет, – покачав головой, проговорила Вельмата.

– Выходит, эти чудища не оборотни, а лешие?

– Нет, не лешие. Говорю же тебе, что это лесные люди. Они смышлёные, многое умеют, и разговоры ведут между собой. Могут и на свирели научиться играть. Вот не ясно только, откуда детёныш лесного человека раздобыл свирель? Лесных людей не следует бояться. Человеку они зла не причиняют. Правда, могут напугать или, как тебя, утащить в лес. Но это только дикий малыш так мог поступить. Едят они ветки, кору, коренья, орехи и ягоды, – поведала Вельмата.

Старушка остановилась и сказала:

– Вот мы и пришли. Видишь овражек, заросший кустарником? Иди вдоль него. Правда, он не до самой Омшани тебя доведёт, а до того места, откуда услышишь лай деревенских собак и людские голоса. А я через этот овражек переберусь и в свою землянку пойду.

– А меня снова не схватит лесной человек?

– Лесных людей здесь нет. Да и зверей хищных поблизости я не чувствую. Вдоль овражка путь свободен. Иди, не бойся, – уверила старушка.

– Спасибо, бабушка, – поблагодарила старушку Мирослава.

– Ступай. Да хранит тебя Инешкипаз! И не страшись Моская. Он добрый парень, – сказала старуха.

Мирослава направилась вдоль овражка. Пройдя пару десятков шагов, она оглянулась, чтобы ещё раз взглянуть на Вельмату, но та словно сквозь землю провалилась.

Вскоре Мирослава услышала тявканье собак, а затем послышались людские голоса. Мирослава побежала от овражка к деревне. Она уже увидела просвет за деревьями, как вдруг из-за могучего дуба вышел человек в белой одежде и встал перед ней.

– Куда спешишь, красавица? – спросил он.

Мирослава узнала Моская.

– В Омшань, – дрогнувшим голосом ответила витичанка.

– У тебя вся одежда перепачкана, и вид усталый, – заметил юноша.

– Ты верно подметил – я сильно устала, – пролепетала Мирослава.

– Иди ко мне! – протягивая к ней руки, позвал Москай.

Ужас охватил несчастную девушку, звонко завизжала она на весь лес. А Москай ничего лучше не придумал – схватил он девушку в охапку, взвалил к себе на плечо и потащил её по лесу. Обмерла Мирослава, даже пошевелиться и кричать не может от страха. Поняла, что пропала – снова её оборотень тащит в глухой лес!

Впрочем, Москай лишь немного пронёс её на плечо и опустил на землю. Лежит она ничком, а оборотень снова, как в прошлый раз, на колени рядом с нею встал и дышит тяжело-тяжело. А, потом снова, как и тогда, когда он мохнатым и с красными глазами был, похлопал её по спине и говорит:

– Вставай, что лежишь? Не до самой же Омшани мне тебя на себе тащить?

Мирослава повернулась, увидела улыбающегося Москай и завизжала.

– Что ты всё верещишь, словно тебя медведь грызёт или волки терзают? Что люди обо мне подумают? Сейчас на твои крики сбежится полдеревни

– Так ведь ты оборотень! – прошептала Мирослава.

– Какой же я оборотень? – обиделся Москай.

Мирослава встала, отряхнулась и принохалась.

– Чего ты меня, обнюхиваешь, словно я в баню не хожу? – обиделся Москай.

– От тебя псиной раньше воняло.

– Что?! Какой ещё псиной?

– Когда ты в прошлый раз меня в лес вот также, на себе, унёс, ты был с красными глазами, и весь шерстью зарос.

– Что за ерунду ты говоришь? – поморщился Москай. – Коль противен я тебе, так и скажи.

Тут Мирослава услышала поблизости людские голоса и стук топоров. Деревня была близко. Девушка отпихнула Москай. Пастух, перелетев через лежащее позади него замшелое бревно, завалился на спину.

Мирослава побежала по лесу, обдирая лицо и руки о ветви кустарника. Выбежала она к деревне, метнулась к крайней избе и стала в закрытую дверь стучаться, но дверь ей не отворили. Посмотрела она – дверь заколочена. А позади себя услышала она топот. Догадалась Мирослава, что оборотень близко и сейчас её снова схватит. Побежала тогда девушка по деревне. Зашлись лаем собаки. Тут прявт Уштай из избы вышел. Бросилась к нему Мирослава.

– Спасите, дядя Уштай! – закричала девушка.

– Здравствуй, Мирослава! Что с тобой? – спросил удивлённый Уштай.

– Оборотень! – произнесла Мирослава, подбегая к прявту.

– Где? – удивился Уштай.

– За мной гонится оборотень, – сказала Мирослава и оглянулась.

От страха она едва не потеряла сознание, увидев рядом запыхавшегося Москай. Пастух остановился рядом с ней, протянул к ней руки и, вытирая ладонью пот со лба, произнёс:

– Ух!

Услышав жуткое слово: «Ух!» от Москай, Мирослава покачнулась и потеряла сознание. Девушка могла упасть, но прявт успел её подхватить под руки. Уштай и Москай отнесли юную витичанку в избу прявта и уложили её на лавку.

– Странное дело, – задумчиво проговорил Уштай. – Вроде праздник у витичей намечается, а Мирослава прибежала к нам, в Омшань, в грязном сарафане.

– И меня она испугалась, словно я злой дух. Да ещё сказала, будто я оборотень. Надо же такое придумать! – расстроился Москай.

Мирослава пошевелилась и приоткрыла глаза. Девушка увидела склонившегося над ней Москай, и её забила мелкая дрожь.

– Мирослава! – позвал её Москай.

Витичанка ему не ответила ему. Скатившись с лавки, она быстро поднялась с пола и бросилась к двери. Однако Мирославе не удалось выбежать из избы – она уткнулась в грудь Уштаю.

– Ты куда? – спросил прявт.

– Вы с ним заодно? – в ужасе прошептала Мирослава.

– Да с кем я заодно, красавица? – не понял Уштай.

– С оборотнем Москаем! Вы его родич?! – воскликнула Мирослава.

– Да у нас в деревне почти все родичи, но оборотней среди нас никогда не было, – сказал Уштай.

– А вы проверьте Москай!

Тут Москай приблизился сзади и положил ей руку на шею. Мирослава вся сжалась.

– Кто же тебе сказал, будто я оборотень? – грустно спросил Москай.

– Сама видела, как ты на опушке, неподалёку от Комаровки, играл на свирели, а сам ты был лохматый и красноглазый. А потом ты меня схватил и в лес утащил. Да и недавно, уже будучи в человеческом обличье, ты меня подхватил и на спину взвалил, – рассказала Мирослава, зайдя за спину Уштая.

– Я хотел тебя до деревни донести. Ведь ты, сама сказала, что устала, – оправдывался Москай.

– Я устала от тебя весь день по лесу бегать и скрываться. Нигде мне от тебя нет покоя! Везде ты меня преследуешь, – сердито сказала Мирослава.

– Москай, зачем ты её пугаешь? – рассердился Уштай. – В медвежью шкуру, поди, нарядился и страшась девчонку?

– Не медвежья шкура на нём была. Чёрной и длинной шерстью он оброс. А глазищ таких больших и красных у человека быть не может, а ещё он клыки скалил, – рассказала Мирослава.

– Красные глазища, говоришь? – переспросил Уштай.

– Да. Когда я убежала от оборотня-Москай и его мамыши, встретила возле болота старую Вельмату. Правда, она сказала, что меня утащил в чащу дикий лесной человек. Но я не очень в это верю. Не мог лесной человек на свирели так красиво играть. К тому же, твою свирель оборотень держал в своих мохнатых руках, а вернее сказать – в лапах, – сказала Мирослава.

– Да оставил я на земле свою свирель, а лесной человек, видно, её подобрал! – вскричал юноша.

– Не лги, Москай! – крикнула Мирослава.

– Правду говорю, что пропала моя свирель. Я пас стадо. Вывел коров в поле, а сам сел на бревно на опушке леса. Смотрю, коровы чего-то испугались, замычали и направились на другой край поля. Я положил свирель возле бревна, а сам следом за коровами пошёл. Думал, они испугались овто, по-вашему – медведя. Я решил огреть его кнутом, если он выйдет из леса. В правой руке сжал кнут, а левой рукой вытащил из-за пояса нож. Попытался я коров вернуть на прежнее место, где росла сочная травка, да ни одна скотина не сдвинулась с места. Замычали коровы и сбились в кучу. Я оглянулся и увидел, как колыхнулись кусты вблизи того брёвнышка, на котором я недавно сидел. Коровы долго не могли успокоиться, но потом, всё-таки, пошли назад. Я пригнал стадо на то самое место, где оставил свирель, да только её на месте не оказалось. Я всё исходил вокруг того брёвнышка, но нигде свирель не нашёл. Решил, что медведь её утащил. А после твоего рассказа, Мирослава, я подумал, что и вправду, не овто унёс мою свирель, а дикий лесной человек, – поведал свою историю Москай.

Мирослава недоверчиво посмотрела на юношу.

– Ты и теперь мне не веришь! – с горечью воскликнул Москай.

– А вдруг ты и сам не помнишь, как превращаешься в оборотня? – спросила Мирослава. – Может от тебя самого коровы шарахались?

– Как же мне убедить тебя, что никакой я не оборотень? – расстроился Москай.

И тут с улицы послышались крики. Детвора подняла визг. К избе прявта подбежали три паренька и закричали наперебой:

– Верьгиз!

– Сярдо!

– Овто!

Уштай, Мирослава и Москай вышли из избы. Дети стали что-то говорить прявту на эрсинском языке. Уштай внимательно выслушал их и сказал Мирославе:

– К нашей деревне подошёл очень крупный зверь. Дети решили, что это или волк, или сохатый, или косолапый.

К детям подбежала перепуганная баба с испуганными глазами. Она рукой показывала в сторону леса и кричала:

– Вирень ломань!

«Лесной человек!» – поняла Мирослава.

Встревоженная баба подбежала к детям и, подталкивая в спину, погнала их домой. Запустив детей в избу, она зашла следом и захлопнула за собой дверь. Напуганные дети смолкли.

В остальных избах и землянках тоже стало тихо. Даже умолкли услужливо брехавшие собаки. Смелый серый лохматый пёс Уштая, забился в конуру и тихо поскуливал.

Бабы с детьми укрылись в жилищах, а мужчины с луками, вилами и топорами побежали к лесу.

И тут Мирослава увидела своего недавнего обидчика – покрытое чёрной шерстью чудище, которое на несколько мгновений показалось на опушке и тут же, увидев бежавших к нему людей, скрылось в лесу. Ему вдогонку посыпались стрелы. Из чащи послышался жалобный вой.

– В лесного человека стрела угодила, – определил Уштай. – Если жив останется, не придёт больше в деревню.

– Мирослава, видела лесного человека? Теперь ты убедилась, что я не оборотень? – спросил Москай.

Мирослава посмотрела на грустного Москаю и улыбнулась.

– А зачем напугал меня сейчас в лесу? – спросила Мирослава.

– Дурак я, – ответил юноша.

– Верно, дурень, – снова улыбнулась Мирослава.

– Больше Москай не боишься, красавица? – спросил Уштай.

– Москай не боюсь. А вот одной страшновато мне будет возвращаться в Комаровку, – призналась Мирослава.

– Зачем тебе сегодня возвращаться? Вечереет уже. Да и голодная ты. Оставайся, – предложил Уштай.

– Так ведь сегодня у нас праздник. Большой костёр разведут наши юноши в поле у Круглого озера. Как же мне не быть на празднике? Да и мои родные и подружки за меня переживают. Ведь пропала я, когда искала дудочника, который на свирели играл. На тебя, Москай, у нас люди и подумают, что ты увёл меня в лес, – сказала Мирослава.

– Даже если бы и увёл, так что из того? – нахмурился Москай. – Иль не поклоняетесь вы своей богине любви Ладе и её сыну Лелю?

– Наши Богиня Лада и сын её Лель помогают любящим юношам и девушкам, а не таким насмешникам и баловникам, как ты, – ответила Мирослава и решила:

– Пойду-ка я домой.

– Неужели не боишься косматого чудища? – спросил её Уштай.

– Боюсь, а всё равно пойду, – хмуро сказала Мирослава.

– Тогда я тебя провожу до Комаровки, – пообещал Москай. – Ведь ты, помнится пригласила меня на Купалу. Только как же я на праздник пойду без свирели?

– Я тебя приглашала не как дудочника, – потупилась Мирослава и призналась:

– Хоть и нравится мне, как ты играешь на свирели, но мил ты мне, как ладный и добрый парень.

– Теперь через лес опасно даже вдвоём идти, коли объявились в наших краях лесные люди, которые девушек в лес умышляют. Вот что, Мирослава, я сейчас пошлю тебя провожать не только одного Москаю, но и всех парней и девушек отправлю на ваш праздник. Велисвет советовал мне, чтобы я присылал на ваши праздники нашу молодёжь, – вспомнил Уштай. – В Омшани останутся взрослые бабы и мужики. Если снова сунется косматое чудище, мы его встретим, как надо!

– Только не убивайте его. Всё-таки, он ещё несмышлёный детёныш, – попросила Мирослава.

– С чего ты взяла? – удивился Уштай. – С виду этот лесной человек здоровый, как овто.

– Видели бы вы, дядя Уштай, его мамашу! Она намного его выше и крепче, – сказала Мирослава.

– Представляю, какой папаша должен быть у этого косматого пострелёнка! – усмехнулся прявт.

– Так я соберу нашу молодёжь? – обрадовался Москай.

– Собирай! – кивнул Уштай. – Скачите на лошадях. Так успеете до захода солнца добраться до Комаровки.

Москай побежал по деревне, а Уштай, тем временем, отвёл Мирославу в избу и накормил её.

Вся молодёжь Омшани собралась у околицы. Парни взобрались на лошадей и усадили перед собой девушек. У каждого парня за поясом был нож. Многие юноши прихватили с собой луки и колчаны со стрелами. Москай сел на серую лошадь и посадил перед собой Мирославу. Юноши направили лошадей по лесной тропе, ведущей в Комаровку. Ребятишки долго бежали следом за последним всадником, но за околицу не сунулись – страшно им стало. О появлении в лесу косматого красноглазого чудища все были наслышаны.

Всю дорогу, пока ехали через лес, парни и девушки веселились и шумели. Хищные звери и мохнатые чудища не рискнули к ним приблизиться.

На поле возле Комаровки они выехали, когда малиновое солнце уже садилось за лес.

– Москай, давай проедем вдоль опушки до ельника, – предложила Мирослава. – Там детёныш лесного человека бросил твою свирель.

– Поехали, – согласился Москай и повернул лошадь.

Все эрсиянские юноши и девушки поехали через Комаровку в сторону Круглого озера, а Москай с Мирославой направились к тому месту, где она повстречала красноглазое чудище. Вскоре Мирослава указала на могучую ель, стоявшую на опушке:

– Здесь!

Они спешили. Девушка приподняла еловую лапу, как в прошлый раз. Уже не так страшно ей было – ведь рядом стоял Москай. Юноша увидел лежавшую под елью свирель и поднял её.

– Надо спешить. Сейчас у озера начнётся праздник, – сказала Мирослава.

Они быстро доехали до Комаровки. Мирослава, сидя перед Москаем на серой лошади, проехала по родной деревне и помахала рукой отцу с матерью, вышедшим на крыльцо их избы.

– Жива и здорова наша Мирославушка! – сказала счастливая Переслава.

– Говорил я тебе, что она была в Омшани. Теперь, видишь, с Москаем вернулась, – провожая дочь взглядом, сказал Добрян.

Краше всех молодых эрсиянок, только что проехавших вместе с юношами мимо их избы, показалась Добряну его дочь. Потом понял, почему вообще все девушки из Комаровки казались ему краше эрсиянок – не только у его дочери, но и у всех молодых витичанок волосы красиво спадали на плечи. А юные эрсиянки приехали в головных уборах – на лоб намотали косы, а поверх надели шапочки с красным орнаментом. Чудно одевались эрсиянки на праздники. Они были одеты в белые платья, подолы и вороты которых были оторочены лентами с замысловатым красным узором.

Витичанки, отправившиеся на праздник вместе с юношами пешком, приоделись в нарядные красные сарафаны. Лишь дочь Добряна и Переслава была в обычном белом сарафане, да притом – в перепачканном. Да и не было на голове Мирославы венка из полевых цветов, как у остальных молодых витичанок.

Эрсиянские парни мало отличались от витичей – рубахи и у тех, и других были розовыми или синими.

Добрян взял под узду свою Ласточку, и они с Переславой, вместе с остальными взрослыми жителями Комаровки, пошли следом за проехавшими через деревню гостями из Омшани. Многие жители Комаровки вели за собой лошадей и коров, которых они собирались купать в озере.

– Вот увидишь: сегодня я сыграю на свирели так, как никогда в жизни не играл! Я буду играть для тебя, – пообещал Москай.

– Сыграй, Москай! И окажи мне одну услугу, – попросила Мирослава.

– Что хочешь, для тебя сделаю! – улыбнулся Москай.

– Тогда промой свою свирель в озёрной воде. Ведь её во рту лесной человек держал. От свирели теперь псиной воняет.

– Конечно, промою и просушу свирель возле костра, – пообещал Москай, когда они уже подъехали к Круглому озеру.

– Посмотри, какое высокое пламя полыхает на берегу! – воскликнула Мирослава. – А людей-то как много сегодня собралось! Никогда столько не было. Сюда ведь ещё из Берёзовки народ подошёл.

Москай и Мирослава подъехали к костру, спешились и оставили серую кобылу на попечение Горисвета, который отвёл её к лошадям и коровам в огороженный плетнём загон.

Затем юная витичанка и Москай направились к озеру, и юноша промыл свирель в воде.

К Милославе и Москаю подошли Светозар и Яромир, одетые в синие рубахи.

– Слава Роду, ты жива и здорова, Мирослава! – недружелюбно взглянув на Москаю, воскликнул Светозар. – Ты где была?

– Ты не поверишь! Лесной человек утащил меня в чашу. Еле ноги от него унесла, – поведала Мирослава.

– Уж не тот ли лесной человек это сделал, который сейчас рядом с тобой стоит? – нахмурившись, спросил Светозар.

– Что ты неласково встречаешь сестру, Светозар? – спросила Виринея, которая подошла к ним вместе с Верой.

Виринея было одета просто – в серое платье, а головного убора, как у остальных юных эрсиянок, у неё не было. В отличие от своей подруги, Вера оделась нарядно – в красный сарафан, а на голове у неё красовался веночек из синих колокольчиков. Днём Яромир помог Вере отнести в Берёзовку её корзину с травами, а к вечеру они вернулись в Комаровку.

– Все за тебя переживают, а ты ушла в Омшань и там милуешься с Москаем, – недовольно проговорил Светозар.

– Тебе можно с девушками из Омшани водиться, а мне с парнями, выходит, нельзя? – обиделась Мирослава.

– Мала ты ещё! – буркнул Светозар.

– Хватит вам спорить! Смотрите, уже наступили сумерки, и парни с девками начали водить хоровод вокруг костра, – сказал Яромир.

Все посмотрели на разгоревшийся костёр, сложенный из сухих брёвен. Потрескивали яркие искры, улетающие в бескрайний сумеречный простор. Неподалёку от костра в землю были врыты пять деревянных изваяний витичских Богов. Здесь были Род, Крышень, Велес, Перун и Белбог. Вокруг костра парни и девушки водили хоровод.

Чуть в стороне, в поле, неподалёку от берега озера, лежал большой плоский алатырь-камень, возле которого были установлены изваяния других Богов. У алатырь-камня собрались старики во главе с волхвами – Велисветом и Яволодом, который пришёл из Берёзовки. Они приносили жертву Богам. Велисвет и Яволод жгли на алатырь-камне заячий пух и лебяжье перо, поливали алатырь-камень молоком и со страстью молились. Издалека было

слышно, как. Велисвет просит защиту у великих Богов, а Яволод не только призывает в помощь витичам Рода, Крышняя, Сварога, Белбога, Перуна и Велеса. Обращается он и к Чернобогу, моля об отмщении князю Василиску за его жестокость. Не случайно молит об этом Яволод. Люди знают, что недавно погибли друзья Яволода в Зарь-граде от рук княжеских дружинников.

Окружившие алатырь-камень старики передавали из рук в руки братину, из которой пили душистое и ароматное хмельное пиво, настоящее на мёде.

– Пойдёмте к костру! – предложил Яромир.

– А я ведь так и не сплела себе венок, – грустно сказала Мирослава.

– Это не беда. Сейчас я тебе и Виринею быстро сделаю венки, – пообещала Вера.

Она встала на колени и принялась рвать цветы. Даже в густых сумерках Вера легко различала цветы. Она быстро сплела два венка и передала их Мирославе и Виринею.

– Спасибо! – поблагодарила Виринея и надела венки на голову.

Было заметно, что непривычно эрсиянке носить венки. Остальные девушки, пришедшие из Омшани, не надевали венки – им было неудобно носить венки на голове, поверх высоких шапок.

– Теперь идёмте к огню! – позвала Вера и, взяв за руки Мирославу и Виринею, повела их к костру.

Светозар, Яромир и Москай поспешили за девушками. Молодые витичи и эрсияне, взявшись за руки, встали в большой круг. Юноши и девушки стали водить большой хоровод вокруг костра и затянули песню. Яромир вместе со всеми пел:

– В День Купалы очищайтесь возле пламени и в воде! Славьтесь Боги наши: Лада – мать наша, и все предки наши! Защитите нас, Велес и Сварог! Введи нас в свой чертог, Белбог! Расцветай, Перунов цвет, и даруй нам жизни свет!

В едином порыве пели витичи и омшанские юноши и девушки песню, славившую витичских Богов. Пляска продолжалась долго, пока не послышался звонкий девичий голос:

– К озеру! Гадать!

Хоровод распался. Девушки и парни со смехом разбежались. Поодаль от бушующего и рвущегося ввысь пламени большого костра, юноши разожгли небольшие костры.

Девушки-витичанки подходили к огню с лучинками и свечками, поджигали их и спускались к речке, впадавшей в озеро. Неподдалёку от устья речки юные витичанки встали на колени и пустили по течению венки, в центре которых сиял огонёк свечи или лучины. Каждая девушка тихо запела свою любимую песню, наблюдая за уплывающим венком. Вместе с остальными венками поплыли к озеру венки Веры и Мирославы. Виринея тоже опустила в реку свой венки с зажжённой лучиной. Омшанские девушки смотрели на плывущие по речке венки с любопытством, а витичанки – с надеждой и тревогой. Горько вскрикивала девушка, увидевшая, как венки быстро уходит под воду – это означало, что её избранник не любит девушку. Но пуще всего боялись девушки, что прежде, чем утонет венки, погаснет свеча или лучина. Тогда короткая жизнь будет у самой девушки или у её суженого. В эту ночь случилась неприятность – не одна, и не две свечи и лучины погасли, а множество. В растерянности стояли на берегу грустные витичанки. Расстроились и юноши-витичи. И на венке у Виринеи быстро погас огонёк. Свёл брови и нахмурился Светозар.

– Ждать беды! – прошептала Вера.

Однако её венки и венки Мирославы продолжали плыть уже по озеру, а лучинки в их венках всё горели. Оттого, что не гасли огоньки, долгая жизнь и счастье должны были ожидать Мирославу и Веру. Но с грустью взирали они на свои венки, да ещё на десяток венков, освещённых счастливыми огоньками. Что же это за счастье такое, если столько их подруг ожидает беда?

Хоть и гаснут один за другим огоньки на озере, зато сколько зажглось звёзд в ночном небе! Летят и летят в чёрное небо искры от пламени огромного костра – словно людские души

покидают земное пристанище и зажигаются на небе новыми звёздами! Расстроилась Вера. Чувствовала она сердцем, как тьма надвигается на родную мщерскую землю.

Не только Вера, но и Светозар с Яромиром загрузили. Виринея, хоть и не знала примет вичичей, но всё поняла и закручинилась.

Зато Мирослава слегка улыбнулась, когда увидела, что рядом с её венком с горящей лучиной плывут по озеру сияющие огоньками венки её подруг – Предславы и Млады. Уже едва видны огоньки с берега, а всё горят. Долгая жизнь у них будет и счастливая судьба.

– Забудьте про венки! Волхвы вымолят всем нам долгую и счастливую жизнь, – сказал Яромир, стараясь говорить весело, только это у него не вышло – дрогнул у него голос.

– И то, правда, что грустить? Идёмте в поле! – предложила Виринея. – Я слышала, что этой ночью у вас принято валяться в росных травах.

– Много сегодня росы выпало, – заметил Яромир.

– А тебе-то что за интерес, Яромир? Ты ведь не девица, чтобы в росах купаться! – засмеялась Вера.

Взявшись за руки, Вера и Виринея побежали в тёмное поле.

– Стойте! – крикнул Москай. – Не уходите далеко от костров! Лесные люди в наши края пришли.

– Хватит стращать, Москай! Этой ночью мне лесные люди не страшны! – крикнула Мирослава и, звонко засмеявшись, побежала догонять Веру и Виринею.

– Что же оставлять их одних в поле? Идёмте за ними, – решил Светозар и вместе с Яромиром и Москаем, скрылся в темноте.

Вскоре взошла жёлтая луна, осветившая землю своим холодным светом. Яромир приоткрылся и замер, увидев, как три обнажённые девушки, взявшись за руки, бегут по полю. Рядом с ним застыли изумлённые Светозар и Москай.

Красавицы не заметили наблюдавших за ними юношей. Они вообще ни на что не обращали внимания. Девушки разбежались и стали кувыркаться во влажной прохладной траве, сминая своими упругими телами сочные росистые стебли. От прикосновения студёных росных трав у девушек перехватило дыхание, и они даже не смогли, как следует, громко завизжать. Они играли, словно котята, грациозно изгибаясь и перекатываясь по траве.

Не только Яромир, Светозар и Москай видели девичью красоту. Видно, приметил в чистом поле красивых девушек сам Бог любовной страсти Лель – сын Богини любви Лады. Беззвучно рассмеялся Лель над застывшими, словно изваяния, парнями. Хоть и не слышали юноши его счастливого смеха, зато задрожали и замерцали на небе звёзды. Взял в плен юношей баловень Лель! Слово опутанные невидимой паутиной, направились молодцы к своим милым девушкам.

Яромир, словно в прекрасном сне, побрёл по полю. При завораживающем свете любопытной луны, он приближался к Вере, резвящейся в росистых травах. Только когда подошёл он к ней близко, разрезал свою липучую паутину шаловливый Лель и тогда хищным ястребом ринулся Яромир на Веру. Девушка не сопротивлялась, потому что подумала, что это не Яромир пришёл, а в его облике сам Лель её приветил. Яромир увидел блеснувшее на шее Веры жемчужное ожерелье, которое он ей подарил, и его сердце забило часто и сильно, словно готово было выпрыгнуть из груди. Скинул Яромир одежду и прижал к себе горячее тело Веры, покрытое прохладными капельками росы. Закружились над ними в безумном хороводе звёзды, ласково зашумел вдалеке лес.

Светозар, как и его младший брат, тоже не избежал чар весёлого Леля. Виринея, прижалась крепко и нежно к своему милему Светозару, словно боялась потерять его навсегда.

– Люблю тебя, Виринеюшка! – теряя разум, говорил Светозар.

– Коли немного мне деньков отмерено, так люби меня жарко, Светозар! – не в силах сопротивляться колдовству купальской ночи, зашептала внучка Вельматы.

– Я люблю тебя! – прошептал Светозар, целуя юную эрсиянку в податливые губы.
– Мон тон вечкемс! Я тебя люблю! – прошептала Виринея.

И Мирослава не избежала козней коварного Леля. Она увидела приблизившегося к ней Москай и поняла, как дорог ей этот добрый юноша.

– Мон вечкевикс! – проговорил Москай, обнимая красавицу-витичанку.

Слились воедино их тела и души. Ласковый ветерок сдувал с них холодную росу, но они не чувствовали ни этого ветерка, ни ночной прохлады.

«Как хорошо, что Лада и Лель смотрят на нас сейчас! Пусть они радуются за нас и завидуют нам!» – подумала Мирослава, проваливаясь в негу купальской ночи.

Прошло немало времени, прежде чем пришли в себя пленники Леля. Яромир и Вера лежали на спине и смотрели на яркие сочные звёзды.

– Ты мила мне, Вера! – чужим гулким голосом произнёс Яромир.

Вера в ответ нежно сжала его ладонь своими хрупкими пальцами и предложила:

– Пойдём купаться.

Вера поднялась, и Яромир с восторгом смотрел на свою возлюбленную, которая была похожа на саму Богиню Ладу. Вера ногой смахнула с высокой травы капли холодной росы на Яромира, весело засмеялась и побежала к озеру. Яромир поднялся и резво устремился за ней.

Мирослава с Москаем тоже побежали к воде.

Пошла по полю, словно поплыла над травами, грациозная Виринея. Заворожённый Светозар шёл за ней следом, не видя ничего вокруг, кроме своей любимой.

Девушки разбежались и, поднимая брызги, бросились в серебрившуюся под лунным светом воду. Следом за ними зашли в озеро юноши. Словно русалки заметались в воде красавицы, прикасаясь к юношам упругими стройными телами. Словно огнём ожигали юношей прикосновения гладкой девичьей кожи. Красавицы резвились и били ладошкой по воде, направляя брызги в лицо юношам, которые не могли разобрать, кто из баловниц проплывает рядом.

Мирослава запрыгнула на спину Москаю, словно молодая ведьма, и повалила его в воду под дружный смех купающихся.

В это время от костров слышались крики и смех.

– Пойдёмте к костру! – закричала Вера и выбежала из воды.

Остальные купальщики последовали за ней.

Многие юноши и девушки тоже только что вышли из озера и нагишом прыгали через пламя. Гости из Омшани толпились в сторонке и с любопытством посматривали на нестыдливых витичей и на своих сородичей – Москай и Виринею, которые вместе с друзьями нагими подбежали к одному из костров.

Яромир с Верой взяли за руки, разбежались и, под подбадривающие крики зрителей, прыгнули через огонь. Яромир ощутил жар, охвативший его тело, но пламя не опалило его кожу. Яромир и Вера, невредимые и весёлые побежали к следующему костру. За ними через костёр прыгнули Светозар и Виринея, а затем – Москай и Мирослава.

Потом юноши и девушки отыскали в поле свою одежду и оделись. Москай подобрал нож и свирель.

В это время взрослые жители Берёзовки и Комаровки заводили скотину в озеро. Коровы протяжно мычали, лошади довольно фыркали. Завели в воду и лошадей, на которых приехали гости из Омшани. В гривы лошадям женщины вплетали цветы, собранные ещё днём. Хотя своих лошадей эрсияне и позволили витичам искупать в озере, но сами омшанские парни и девчата в воду не полезли.

Москай сел на берегу озера и заиграл на свирели. Над озером полились чарующие звуки. Стало тихо. Даже коровы перестали мычать. Москай играл долго, но потом устал и отложил свирель. Мирослава поцеловала его и предложила:

- Пойдём искать цветок папоротника!
- Вот же ты, неугомонная! Иль не устала? – удивился Москай.
- Ну, пойдём! – стала упрашивать Москай Мирослава.
- Мне бабушка Вельмата говорила, что у папоротника не бывает цветов, – сказала Вириная.
- Как же так? Ведь твоя бабушка колдунья и вдруг такое говорит? – удивился Яромир.
- Может, она и колдунья, да не врунья, – строго произнесла Вириная. – Если Вельмата сказала, что не цветёт папоротник, значит – не цветёт.
- Мне Вельмата сегодня днём тоже говорила, что она никогда не видела цветущий папоротник. А вдруг папоротник всё же цветёт? Может, он просто не попался Вельмате, а на самом деле в купальскую ночь расцветает. Я хочу пойти в лес! – настаивала Мирослава.
- Снова по своему косматому приятелю соскучилась, сестричка? – усмехнулся Светозар.
- Одной, конечно, страшно, а с вами я бы пошла, – сказала Мирослава.
- Хотя моя мать Ведагора всю жизнь травы собирала, но и она ни разу не находила цветущий папоротник. Может, и впрямь, Вельмате и моей матери просто не везло? Но всё же я решила пойти с тобой в лес, Мирослава, – сказала Вера.
- Куда Вера, туда – и я! – решил Яромир.
- Если ты так хочешь, Мирослава, то и я тоже отправлюсь в лес, – согласился Москай.
- А я никуда не пойду, – нахмурившись, сказала Вириная. – Что толку цветок папоротника искать, коли его не бывает?
- Мы с Виринойей здесь останемся, – сказал Светозар.
- Вера, Мирослава, Яромир и Москай направились в сторону темнеющей мрачной чащи. Они вступили под полог ночного леса. Мирославе стало страшно – то ночная птица тоскливо закричит, то дерево заскрипит. Однако признаваться, что боится, она не стала.
- Что тут ходить в потёмках? – недовольно проворчал Яромир, когда они углубились в лес.
- Лучше вернуться, – предложила Вера. – В лесу ни зги не видно. Хоть мне и не меньше Мирославы хочется найти заветный цветок папоротника, да видно, не судьба.
- Вера, может, твоя мать и находила когда-то цветок папоротника, да тебе не сказала, – предположила Мирослава.
- Нет. Если бы мама нашла такой цветок, мы бы с ней отыскали клад, разбогатели и в город перебрались, – сказала Вера.
- Слышал я, плохо нынче жить в городах простым людям, – вспомнил рассказы старших Яромир.
- Смотрите! – испуганно произнесла Мирослава.
- Впереди светился яркий зелёный огонёк.
- Неужто цветок папоротника светится? – проговорила Мирослава.
- Шутишь? Цветок папоротника должен алым огнём гореть. Зелёным огоньком светятся гнилушки в лесу и на болотах, – объяснила Вера.
- Москай подошёл к зелёному огоньку, пнул его ногой, и огонёк погас.
- Точно Вера сказала. Это коряга, – сказал Москай.
- Жалко, что коряга. Всё же мне хочется отыскать цветок папоротника, – вздохнула Мирослава.
- Дался тебе этот цветок! – проворчал Москай.
- А я слышал, будто тот заветный цветок всякая нечисть охраняет, – вспомнил Яромир.
- Ну, давайте, хоть ещё немного поищем цветок! – попросила Мирослава.
- Бродите, сколько хотите по лесу, а я возвращаюсь назад! – не выдержала Вера.
- Мы с Верой уходим из лес, – с готовностью поддержал её Яромир, которому надоело блуждать по тёмному лесу.

– Пойдите! Там, впереди, сияет алый огонёк. Как он ярко светится! Я верила, что отыщу цветок папоротника! – обрадовалась Мирослава.

Москай решил порадовать Мирославу и сорвать цветок папоротника. Раздвигая ветви кустарников, омшанский юноша смело направился к алтому цветку. По мере приближения к огоньку он заметил рядом с ним ещё один алый цветок, светящийся в темноте. Москай подошёл к огонькам совсем близко и определил, что цветки светятся на уровне его роста. Рассудив, что папоротник так высоко не растёт, Москай решил, что перед ним гнилое дерево. Его не насторожил красный цвет, которым светились огоньки. Забыл пастух о том, что говорила Вера о гнилушках, светящихся зелёными огоньками. Москай решил повалить гнилое дерево, от которого исходил неприятный запах. Он размахнулся и с силой ударил кулаком по стволу, надеясь легко повалить сухостой. К его изумлению рука его угодила во что-то мягкое и тёплое.

И тут ночной лес прорезал дикий рёв! Москай отскочил в сторону, потому что красные огоньки сдвинулись с места. Нечто огромное заворочалась перед ним, и взвыло нечеловеческим голосом:

– Ух! Ух!

А потом послышался громкий топот и треск ломаемых сучьев. Оба красных огонька пропали. Перепуганный Москай развернулся и помчался к друзьям.

– Там было что-то огромное! Оно ухнуло и побежало, – дрогнувшим голосом сообщил Москай.

– Я тоже слышала страшные звуки и очень испугалась! – призналась Вера.

– Что там было? – пролепетала Мирослава.

– Не знаю. Там оказался не один, а целых два красных огонька. Но это точно не цветки папоротника. Там был кто-то живой. Я собирался повалить на землю гнилое дерево. Стукнул его кулаком, а оно как ухнет и убежало. Я слышал топот, – поведал Москай.

– Пойдёмте скорее отсюда! – проговорила Вера.

– Кажется, я догадалась, кто это был. Он точно также днём ухал, – вспомнила Мирослава.

– Ты о ком говоришь? – не понял Москай.

– Да о красноглазом детёныше лесного человека. Выходит, у него в темноте глаза светятся, – сказала Мирослава.

– Значит, этими красными огоньками были его глазища! – воскликнул Москай. – И запах там стоял неприятный. Теперь я вспомнил, что так же, пока я её не отмыл, попахивала моя свирель, которая побывала в его лапах. Это что же такое получается? Выходит, я лесному чудищу между глаз врезал? Так у меня его кровавые сопли на кулаке, – растерянно проговорил Москай, вытирая о штаны руку, измазанную липкой юшкой.

– Ай, да Москай! Не испугался – врезал лесному чудищу по мохнатой харе! – рассмеялся Яромир.

– Спасибо тебе Москай! Ты отомстил за меня. Какой ты бесстрашный! – поблагодарила юношу Мирослава и засмеялась.

– А как он жутко и жалобно заухал! Видно крепко ты ему вмазал, эрсиянин, – сказал Яромир.

– Не повезло ему сегодня – и стрелой, кажется, в него угодили, и по носу заехали. Бедняга! – перестав смеяться, Мирослава пожалела косматое лесное чудище.

– Может, это не тот детёныш, о котором ты рассказывала, а его собрат, – заметил Яромир.

– Какая разница, какому из диких лесных людей я врезал по сопатке? Теперь он будет думать, прежде чем связываться с людьми. Пусть передаст своим диким волосатым сородичам, чтобы назад уходили. Нечего шастать по нашим лесам всяким мохматым чудищам! – расхрабрился Москай.

– Рядом с тобой, Москай, мне ничего не страшно! – сказала Мирослава.

– Всё-таки, пойдёмте на поле, к людям, – снова предложила Вера. – Вдруг его родители сюда заявятся, и отомстят нам за своего малыша.

– А ведь мамаша у него ужас, какая огромная! Верно – надо быстрее уходить, – согласилась Мирослава и огорчённо добавила:

– Наверно, и вправду, не цветут папоротники даже в ночь на Купалу.

Искатели заветного цветка пошли на мелькавший среди ветвей жёлтый огонь большого костра. Вскоре они присоединились к людям, веселившимся на поле возле озера.

Глава 5. Священная дубрава

Не успел закончиться один праздник, как пришло время другого. На следующий день после праздника Купалы, эрсияне отмечали свой праздник Тундонь ильтямо. В тот год весна была холодной, и эрсияне поздно её провожали.

Молодые эрсияне, гулявшие в ночь на Купалу, позвали с собой парней и девушек из Комаровки и Берёзовки. Рано утром эрсияне и юные витичи оправились на лошадях в Омшань. Светозар и Яромир надели кожаные сапоги. Вириanea взяла с собой в Омшань корзину, на дно которой уложила высушенные на печи грибы, убранные заботливой Переславой в полотняный мешок.

Жители Омшани встретили витичей, как дорогих гостей. Люди в Мщере жили дружно. Каждый народ поклонялся своим Богам. Хоть и не отправились на праздник в Омшань витичские волхвы – Велисвет и Яволуд, однако они всегда приветствовали дружбу витичей с эрсиянами.

На выставленных посреди деревни длинных столах, накрытых белыми скатертями, в глиняных мисках лежали куски жареного мяса. Каждый хозяин рано утром у себя во дворе на жертвенном камне зарезал ягнёнка. К тому же, накануне охотники повалили сохатого. И его мясо тоже зажарили на костре. В невысоких плетёных корзинах лежал хлеб и пироги с ягодами. В глиняных кувшинах пузырилась шипучая медовуха. Хмельной напиток, настоящий на травах, пришёлся витичам по душе.

Яромир сидел за столом рядом с Верой. Он съел много мяса и накинудся на пироги. При этом он выпил несколько кружек медовухи, приятным теплом разлившейся по всему телу. Когда пряхт Уштай встал и призвал всех пойти к керемети и попрощаться с весной, Яромир хотел встать, однако его ноги стали вялыми. Яромир растерялся – голова у него была ясная, а ноги не слушались. Вера с непривычки тоже с трудом поднялась со скамьи. Москай и Вириanea поддержали их под руки. Светозар и Мирослава, хотя и покачивались, но смогли сами выйти из-за стола.

Эрсияне и витичи направились за пряхтом. Весёлая толпа вышла за околицу и по проторённой тропе проследовала к большой поляне, на которой располагалась огороженное плетнём мольбище эрсиян – кереметь. На мольбище было трое ворот. Люди вошли, как положено, через южные ворота. Восточные и северные ворота, предназначенные для входа жертвенного скота и для подноса воды для варки мяса, сегодня были закрыты. На врытых в землю столбах были развешаны старые шкуры жертвенных животных.

На лёгком ветерке все быстро протрезвели. Пряхт Уштай объявил, что сегодня жертвоприношение в керемети не состоится, а по случаю приезда дорогих гостей сразу начнётся праздник, потому что жертвы своим Богам жители Омшани уже принесли в своих дворах на рассвете. Старик и старуха, назначенные пряхтом на сегодняшний праздник старшими, поднялись на невысокий холмик и принялись по очереди читать молитвы и просить о плодородном лете Богиню Мастораву. Когда старики окончили чтение молитв, Уштай обратился к молодёжи, призвав выбрать Весну.

– Что это означает: «Выбрать Весну»? – спросила Мирослава у Москай.

– Сегодня выбираем Весну – самую красивую девушку. Её мы и будем провожать, – объяснил Москай. – Старики в выборах участвовать не будут.

– Вот оно что! – едва заметно улыбнулась Мирослава. – А среди кого станете выбирать – среди своих или среди витичанок тоже?

– Уж коли пригласили вас на праздник, значит – среди всех будем выбирать, – сказал Москай.

Юноши выстроились с одной стороны керемети, девушки встали напротив них. Баба лет сорока, державшая корзину с сорванными ромашками, прошла перед юношами и каждому выдала по цветку.

– Зачем мне ромашка? – удивился Яромир.

– Каждый парень должен подарить цветок самой, по его мнению, красивой девушке, а потом цветки сосчитает прявт. Так и выберем девушку, которая сегодня будет Весной. Она и поведёт всех за собой в священную Рошу, – объяснил Москай.

Перед юношами выстроились светловолосые витичанки из Комаровки и Берёзовки и эрсиянки из Омшани в высоких головных уборах, украшенных красным орнаментом.

Яромир не мог отвести от Веры взгляд. Не было краше её не только здесь, но и на всём белом свете! Рядом с Верой стояли серьёзная Вириная и весёлая Мирослава. Вернувшись в Омшань, Вириная надела свою праздничную одежду и теперь на ней было, как и на всех юных эрсиянках, нарядное платье и высокая шапочка. Она выделялась среди остальных омшанских девушек своей красотой и пронзительным взглядом.

Озорница Мирослава кокетливо улыбалась и, как показалось Яромиру, не только своему Москаю, но и всем остальным парням.

«Сестрёнка наверно думает, что выберут её. Только красивее Мирославы есть тут девчата. Например – Вириная, не говоря уж о моей Вере. Спору нет, Вириная прекрасна – у неё красивые зелёные глаза, ровный нос, из-под шапочки выбиваются льняные волосы. Однако, слишком она серьёзная и задумчивая. А вот златовласая синеглазая Вера не только красива, но и мила – одни ямочки на щёчках чего стоят! Таких ямочек у Вириной нет. Да и глаза у Веры тёплом светятся, а у Вириной взгляд пронзительный. Как взглянет Вириная, так неуютно становится, словно она сокровенные мысли читает», – размышлял Яромир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.